

ДОВЕРИЕ КАК УСЛОВИЕ ЦЕРКОВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Интервью с секретарем ОВЦС МП по межправославным отношениям протоиереем Николаем Балашовым

Кифа: Отец Николай, как, на Ваш взгляд, соотносится проблема перевода богослужения на русский язык со всем комплексом проблем, связанных с литургическим возрождением, со стилем богослужения, с проблемой его открытости для современного человека?

Прот. Николай Балашов: Совершенно очевидно, что церковнославянский язык является далеко не единственной проблемой в плане восприятия нашего богослужения современным человеком. Сторонники перевода богослужебных текстов иногда с некоторой наивностью думают, что если бы язык был русским, то особых проблем понимания не возникло бы. Это, конечно, не так. Византийский стиль нашего богослужения характеризуется особенной торжественностью, и его образность сама по себе не отличается легкой доступностью. В сознании очень многих этот высокий стиль речи ассоциируется с церковнославянским языком, который на протяжении веков является для русских людей словесной оболочкой богослужения, носителем возвышенной богослужебной поэзии. И у многих возникает ощущение, что всякая попытка пересмотра, всякая ревизия богослужебных текстов, включая их словесную оболочку, повлечет за собой что-то вроде эффекта домино, когда окажется, что все стоит под вопросом. Надо с пониманием отнестись к такому ощущению, часто свойственному людям, для которых богослужение очень дорого, которые сроднились с его стихией, в т.ч. и словесной. Поэтому я думаю, что одно из утверждений, недавно прозвучавших в вашей газете, — о том, что за использованием в богослужении архаичных языков стоит просто нежелание слушать слово Божье и исполнять его, — это поверхностное утверждение. Думаю, что для приближения реальных сдвигов в отношении развития богослужения очень важно возрастание стремления к взаимному пониманию со стороны тех людей, которые дорожат богослужением в его существующем виде и не считают, что в нем потребны какие-то существенные перемены, и тех людей, которые необходимость таких перемен усматривают. Надо научиться слышать друг друга и не наклеивать каких-либо уничижительных ярлыков.

В своей книге я писал об опыте дискуссии, которая была на эту тему в начале XX века. Он тоже был не вполне успешным и совершенным.

Кифа: Тем более, что он был искусственно прерван.

О. Николай: Если бы он был вполне успешным, то, конечно, и Собор 1917-18 гг. мог бы шагнуть дальше в принятии решений по этому вопросу, которые получили бы общецерковную рецепцию. Тем не менее, в целом, несмотря на разгоряченность дискуссии, которая тогда тоже наблюдалась, все-таки была определенная готовность принимать аргументы другой стороны всерьез. Мне кажется, мы тоже сейчас в нашей церковной жизни приближаемся к моменту, когда становится возможной серьезная содержательная дискуссия по этому вопросу. Я иногда слежу за дискуссиями в интернете, слышу частные отзывы и мнения разных людей. И мне думается, что время, когда наша церковь окажется способной сказать общезначимое слово по этим вопросам и перейти к действиям, это время приближается, хотя, может быть, не так быстро, как хотелось бы.

Кифа: Какими Вы видите пути развития благодатной жизни церкви, которая связана, естественно, как любая жизнь, с какими-то изменениями, в ситуации, когда по понятным причинам охранительная тенденция является в церкви доминирующей? Дискуссия может продолжаться очень долго. Но непонятно, что при этом будет с самой жизнью — будет ли она развиваться или нет?

О. Николай: Вы имеете в виду развитие литургической жизни?

Кифа: Да, но так, чтобы нам избежать тех опасностей реформации, которые постигли протестантские церкви, что-

бы здесь не было разрывов, с одной стороны, и полного замирания — с другой.

О. Николай: Я бы хотел ответить вопросом на вопрос, хотя это не совсем ловко. Почему в Сербской православной церкви параллельное существование церковнославянского и сербского языков богослужения вошло в жизнь без всякого конфликта, без раскола, которым часто угрожают и угрожали еще в начале XX века охранители в Русской православной церкви? Для меня ответ очевиден. Потому что в Сербской православной церкви инициаторами литургических реформ были люди, чья репутация в плане их преданности церкви и канонической твердости была совершенно несомненной. Это был отец Иустин Попович, связанная с ним группа духовных лиц, которые пользовались большим авторитетом в Сербской церкви. И вот сложилась ситуация, которую мы сегодня имеем, — совершенно мирное и спокойное сосуществование церковнославянского и сербского языков.

Русской православной церкви в этом отношении не посчастливилось. Думаю, изменения смогут практически произойти тогда, когда у движения ревнителей обновления литургической жизни будет такой же бесспорный авторитет церковности, когда это будет движение, безусловно, интегрированное в общецерковную жизнь. До сих пор у нас происходило несколько иначе. Я старался показать в своей книге, что очень поверхностно и неточно считать, будто именно те люди, которые выступали за литургические изменения в дореволюционный период, потом дружно влились в обновленческий раскол. Исторически это неправда. Но поскольку раскольники подхватили многие идеи движения за возрождение церковной жизни, которое существовало в период между двумя революциями, и сделали эти идеи своими лозунгами (причем декларативно — как правило, они не осуществляли того, к чему призывали многие дореволюционные деятели, да и сами обновленцы в 20-е годы), в сознании народа возникла известная ассоциация. И когда в последние 15 лет XX века эта тема опять возникла, это вновь произошло в контексте дискуссии о церковном движении, которое воспринималось как стоящее в оппозиции к церковному священноначалию и в известной степени противопоставляющее себя общему стилю церковной жизни. Я думаю, в этом проблема. Как только эти «маркеры» церковной неблагонадежности круга идей, связанных с обновлением литургической жизни, будут сняты, станет возможно историческое развитие.

12 (38)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ДЕКАБРЬ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В номере:

Мы стараемся показать людям, как важно быть действительными членами христианской семьи

протоиерей Виктор Потапов продолжает рассказ о жизни РПЦЗ в Америке (с.2)

Он дарил себя людям

В Санкт-Петербурге прошел вечер памяти о Сергия Гаккеля (с.5)

Служить возрождению жизни церкви

призван Свято-Филаретовский институт, основанный 17 лет назад (с.7)

Вера заключается в доверии

— считает один из известнейших современных богословов Христос Яннарас (с.8)

Последняя встреча

О своем учителе вспоминает поэт Ольга Седякова (с.9)

Мы слышим слово насколько способны отвечать ему...

11 декабря исполнился год со дня кончины философа В.В. Библихина (с.10-11)

Братство любите

Об издательской деятельности малых православных братств рассказывается в «Книжном обозрении» на с. 12

В приложении "Миссионерское обозрение" читайте дайджест новостей и доклад Марка Оксброу (CMS) "Таинство миссии"

МЫ СТАРАЕМСЯ ПОКАЗАТЬ ЛЮДЯМ, КАК ВАЖНО БЫТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ЧЛЕНАМИ ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬИ

Продолжение беседы с протоиереем Виктором Потаповым (первая часть беседы опубликована в N 37)

Кифа: Отец Виктор, я часто слышал от православных священников на Западе такие жалобы на новоприехавших из России: они не интересуются тем, чем живет приход, они часто им пользуются как некие потребители, но не берут ответственности. Насколько остро стоит эта проблема ответственного участия мирян в полноценной церковной жизни и какие есть пути преодоления возникающих проблем?

Прот. Виктор Потапов: Действительно, многие новоприезжие ходят на исповедь, причащаются, посещают богослужения, но не становятся членами прихода. У нас член прихода — это человек, который регулярно причащается и который формально вступает в приход. У нас это происходит так. Желающий вступить в приход заполняет формуляр, находит двух прихожан-поручителей, которые могут засвидетельствовать, что данный человек — православный христианин и ведет нрав-

Заседание предсоборной комиссии РПЦЗ: протоиерей Виктор Потапов, Петр Перекрестов, секретарь предсоборной комиссии и свящ. Серафим Ган, секретарь главы РПЦЗ.

ственный образ жизни. Это прошение о вступлении в общину рассматривается на ежемесячном собрании приходского совета. Обычно оно удовлетворяется. Прихожане платят 20 долларов ежемесячных членских взносов.

Кифа: Независимо от своего дохода, каким бы он ни был? Даже если он высокий — все равно 20 долларов?

О. Виктор: Да. Но это минимальная сумма, предназначенная засвидетельствовать, что человек серьезно относится к своим приходским обязательствам.

Кифа: Т.е. это не десятина?

О. Виктор: Некоторые прихожане отдают десятую часть. Мы не требуем, это добровольно.

Кифа: Т.е., есть ревностные люди, которые отдают больше?

О. Виктор: Да, особенно из новообращенных.

Кифа: Может быть, в этом сказывается их протестантское воспитание?

О. Виктор: Конечно! С русскими это гораздо более туго идет. 20 долларов в месяц — это чисто символическая мзда (в среднем люди дают значительно больше). Приходской взнос дает право голосовать на годовом собрании в качестве члена прихода. А вот что касается людей из бывшего Советского Союза — сколько я ни пытаюсь, сколько я ни говорю: «Дорогие братья и сестры, вы не можете быть просто захожанами, даже прихожанами, вы должны стать членами приходской общины, членами нашей христианской семьи», чаще всего мои слова повисают в воздухе. Мне объясняли, что у этих людей (не знаю, насколько это верно) сохранился страх числиться в каких-то обществах, чтобы их имена были в каких-то списках. Очевидно, это пережитки коммунистического прошлого. Но неустанно объясняю, что, если вы станетесь членом прихода, это не значит, что батюшка будет вызванивать по списку и вынуждать человека идти убирать церковь, дежурить в больнице или что-то такое. Совсем нет, служение церкви зависит от доброй воли каждого отдельного прихожанина. Формальное членство в приходе подчеркивает, что человек серьезно относится к церкви, и что минимальный его членский взнос все-таки поможет содержать церковь и платить за коммунальные услуги. Но это не самое главное. Так что мы потихонечку работаем и стараемся показать людям, как важно быть действительными членами христианской семьи.

Кифа: А есть ли наряду с приходами еще какие-то братства?

О. Виктор: У нас работают братство Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского и Покров-

ское сестричество.

Кифа: А межприходские есть?

О. Виктор: Межприходские были, но сейчас их меньше. Есть общество св. Германа Аляскинского. Оно собирает ежегодно молодежные съезды на каждое американское западное Рождество в разных городах Америки и Канады. Съезды дают нашей русско-американской молодежи возможность в непосредственной близости общаться с батюшками, задавать им вопросы. На съездах каждый день совершаются богослужения и читаются доклады. Это делается прежде всего в просветительских целях, чтобы дети приобщались к знаниям о православии и, во-вторых, чтобы они общались между собой. Было немало случаев, когда на съездах молодые люди встречались, влюблялись и создавали христианскую православную семью. Каждые четыре года у нас устраиваются Всезарубежные съезды молодежи. Есть постоянно действующий комитет, который устраивает эти съезды. В период между съездами издается электронный молодежный журнал.

Кифа: На английском?

О. Виктор: В основном на английском. У детей на Западе первый язык — английский, русский забывается, так как они пользуются английским языком в школе и на работе.

Кифа: А для взрослых есть что-то подобное?

О. Виктор: Для взрослых в моем приходе устраиваются духовные беседы. Раз в месяц я провожу курс по Ветхому Завету для русскоговорящих. Другой наш батюшка читает беседы по Четвероевангелию. Третья беседа проводится одним из наших чтецов и посвящена литургике. По воскресеньям после обеих литургий мы проводим уроки Закона Божьего для детей на английском и русском языке. После литургии наше Покровское сестричество устраивает обеды, чтобы люди не просто уходили домой до следующего раза, а чтобы прихожане и наши гости могли отдохнуть и пообщаться. Во время воскресных обедов я часто выступаю с сообщениями о текущей церковной жизни, иногда показываем церковные документальные фильмы, выступают приезжие батюшки или общественные деятели. Кроме всего прочего, воскресные обеды приносят нашему сестричеству серьезный доход. У нас дежурные сестры устраивают обеды. И то, что они собирают, идет на благотворительность.

Кифа: Пожертвования во время обеда?

О. Виктор: Да. Наш приход в прошлом году собрал на благотворительные цели 200 тысяч долларов.

Кифа: Т.е. ваши братство и сестричество занимают главным образом благотворительностью?

О. Виктор: Сестры, кроме этих обедов, навещают больных, следят за порядком в ризнице. А братство следит за порядком на нашем кладбище. Мы недавно построили кладбищенскую церковь в честь Иверской мироточивой иконы Божией Матери. Братство Святителя Иоанна Шанхайского взяло кладбищенскую часовню на свое попечение, собирает средства для поддержания порядка и на финансирование росписи. У нас в Вашингтоне два русских прихода. Один — Никольская церковь — входит в юрисдикцию Американской церкви. Там почетным настоятелем служит протоиерей Дмитрий Григорьев. Прихожане этой церкви в свое время заявили о своем желании проводить богослужения в основном по-английски и создать американскую автокефальную церковь. Это понятно, и на это они имеют полное право. Так что фактически можно сказать, что наш собор св. Иоанна Предтечи — единственный русский приход в американской столице. Посещающие богослужения в наших храмах живут на огромных расстояниях, мало кто из прихожан живет в Вашингтоне. Церковь находится в городском центре, а многие наши люди живут в Балтиморе (это 45 миль от Вашингтона), в Ричмонде в штате Вирджиния — 120 миль от Вашингтона и в пригородах столицы. Географическая отдаленность накладывает отпечаток. Богослужения они посещают, но на беседы и другие устраиваемые нами церковные мероприятия далеко не каждый может прийти. У нас отличные хоры. Русский хор каждый вторник собирается на релетицию, а американские певчие, которые поют на ранней всенощной в субботу и на ранней воскресной литургии, релетируют каждый четверг. Кроме того, у нас на литургии народ поет, как в вашей общине, Символ веры и «Отче наш» все вместе.

Кифа: Но это добровольно?

О. Виктор: Кроме регента, мы не платим никому ни копейки. Только когда бывает свадьба, мы берем мзду от людей, я отдаю регенту, и он раздает певчим на покрытие расходов на бензин. Но большинство из них возвращает деньги, которые откладываются в хоровой фонд, чтобы со временем выпустить компакт-диск... Еще у нас есть скаутская организация при церкви.

Кифа: Вы один из тех, кто привез скаутскую традицию в начале 1990-х в Россию.

О. Виктор: Организация юных русских разведчиков (ОРЮР), наша скаутская организация, раз в две недели проводит в приходском доме занятия с детьми с целью сохранить русский язык и поддержать любовь к своей исторической и духовной родине. У скаутов даже есть такой предмет — родиноведение. Зимой скауты устраивают лыжные поездки в горы. Летом устраивается лагерь в горах штата Западная Вирджиния. Дети создают лагерь с нуля — ставят палатки, строят часовню. Я приезжаю и служу в лагере вечером, а на следующий день Божественную литургию, на которой поют дети. Богослужения на природе под открытым небом предоставляют замечательную возможность объяснить детям смысл литургии. Например, каждый участник лагеря получает просфору, которую приносит к жертвеннику, где сам поминает живых и мертвых родственников и друзей. Это совершенно замечательно, многие прихожане приезжают, им это очень нравится. После нашего двухнедельного лагеря многие дети едут в Нью-Йорк в центральный детский лагерь, где проводят еще неделю. Там бывают и зимние лагеря. Это общий лагерь Организации русских юных разведчиков. В свое время ОРЮР приобрел большой участок с озером неподалеку от Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. Все, что я описал, осуществляется с большими усилиями. В США русский американец, который стремится сохранить себя и свою семью в русской культуре и, прежде всего, в православной вере, должен приложить массу усилий и пожертвовать многими душевными силами.

Кифа: И при этом вы не можете опереться на власть, как это происходит у нас?

О. Виктор: И не хотим. Зачем?

Кифа: Т.е. вы полностью опираетесь на свои силы?

О. Виктор: Исключительно. Мы ни от кого никакой помощи не получаем.

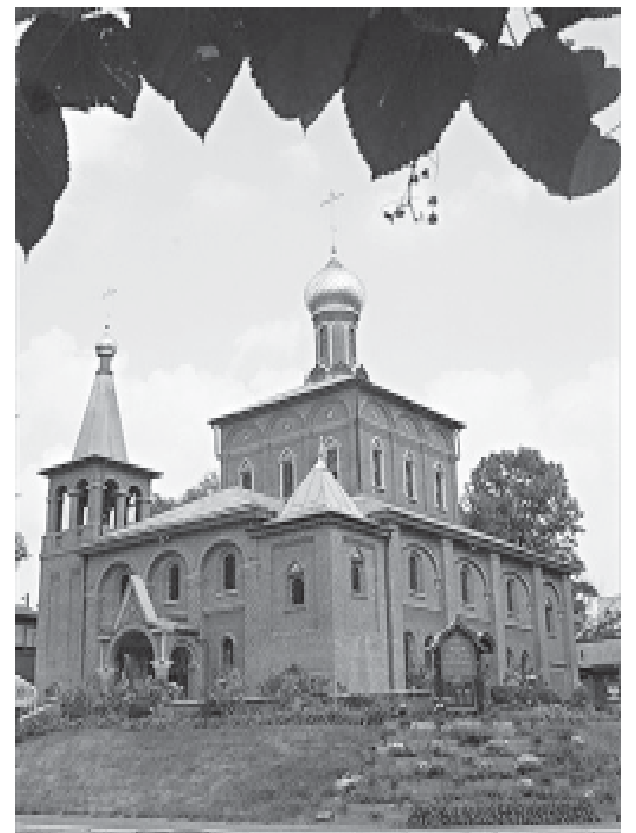
Кифа: А вот Вам, скажем, надо работать, кроме приходской службы?

О. Виктор: Ну да, но, слава Богу, я работаю на радио «Голос Америки», что не мешает внутренне моему пастырскому служению, потому что я делал все эти годы религиозную передачу, которая, наоборот, меня лично только обогащала.

Кифа: Но как правило, священнику нужно работать?

О. Виктор: В основном, да. Даже в Американской церкви. Единственная церковь, где священники не работают на гражданской службе, — греческая, там богатые приходы. В Американской церкви, да и у нас тоже, есть священники, которые не работают, живут исключительно приходской жизнью, им платят жалованье. Но у нас много маленьких приходов, которые не могут себе этого позволить.

Беседовал Александр Буров

Храм свт. Иоанна Предтечи. Вашингтон.

Фото с сайта <http://www.russianorthodoxchurch.ws/>

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА ПОБЫВАЛИ В ЛОНДОНЕ ДЛЯ ОБМЕНА ОПЫТОМ СОВРЕМЕННОГО МИССИОНЕРСТВА

По приглашению англиканской миссионерской организации CMS (Church Mission Society) с 20 по 28 ноября состоялась поездка ректора проф.-свящ. Георгия Кочеткова и нескольких сотрудников Свято-Филаретовского института в Лондон для знакомства с опытом предложения на Альфа-курсе.

В начале недели в англиканском приходе Holy Trinity Brompton, который является центром Альфы не только для Лондона, но для всего мира, проходила международная Альфа-конференция. Сам Альфа-курс, возникший внутри англиканской церкви и быстро приобретший популярность в различных протестантских (и даже католических) церквях, является десятидневной системой катехизации, рассчитанной на полноценное введение в церковь. Однако по сути это скорее предложение, тем более что после него предполагается еще двухлетний цикл встреч в сложившихся за время его прохождения малых группах. В конференции участвовали как те, кто лишь начал практиковать Альфу в своих странах или даже еще только присматривается к ней, так и те, кто приехал решать более конкретные вопросы, уже имея богатый опыт проведения Альфы.

На конференцию был приглашен архиеп. Белгород-

ский и Старооскольский Иоанн (Попов), председатель Миссионерского отдела РПЦ.

Была также возможность познакомиться и с православным аналогом Альфы, проводимым при лондонском Успенском соборе. Этот курс называется «Путь» (The Way), сейчас его проходят около 10 малых групп, состоящих из людей разного духовного опыта и разной национальности.

В воскресенье о. Георгий принял участие в евхаристическом служении, которое возглавили и.о. управляющего делами Сурожской епархии еп. Сергиевский Василий и архиеп. Керченский Анатолий. После литургии владыка Василий тепло приветствовал о. Георгия, который затем обратился с кратким словом к прихожанам и передал в дар соборной библиотеке подборку изданий Свято-Филаретовского института.

В последний день своего пребывания в Лондоне делегация СФИ приняла участие в коллоквиуме «Православие и миссия», организованном CMS (Church Mission Society). На коллоквиуме, который проводится уже второй раз, выступил один из директоров CMS Марк Оксброу (Mark Oxbrow) с докладом «Таинство миссии. Ак-

тивная и рецептивная модели христианского свидетельства» и православный священник из Оксфорда о. Стивен Платт (Stephen Platt) с докладом «Проблемы миссии в православном контексте». Во второй половине дня выступил свящ. Георгий Кочетков, рассказавший об опыте работы возглавляемой им кафедры Миссиологии, катехетики и гомилетики СФИ и многолетнем миссионерском и катехизационном опыте Преображенского содружества малых православных братств, духовным попечителем которого он является. Затем Валентин Кожухаров (Болгария) с докладом «Православное видение миссии: богословие и современные тенденции». Затем под руководством еп. Сергиевского Василия проводилось обсуждение докладов, а вслед за этим в рабочих группах обсуждались проблемы современной православной миссии в Великобритании и не только, миссии среди молодежи, а также взаимоотношений православных с неправославными.

Продолжение темы - в «Миссионерском обозрении»

ХРАМ СВ. НИКОЛАЯ В КЛЕННИКАХ ОТМЕЧАЕТ 15-ЛЕТИЕ ОТКРЫТИЯ И 5-ЛЕТИЕ ОБРЕТЕНИЯ МОШЕЙ СВ. ПРАВЕДНОГО АЛЕКСИЯ МЕЧЕВА

Сегодня в храме существуют приделы во имя святого Николая чудотворца, Казанской иконы Божией Матери, Всех русских святых, праведного Алексия Мечева и его сына, священномученика Сергия Мечева, расстрелянного в 1942 году в Ярославской тюрьме.

...Удивительно, но Алексей Мечев поначалу вовсе не хотел быть священником. Он мечтал поступить в университет и выучиться на доктора, но мать сказала, что хочет видеть его священником. Алексей покорился и поступил псаломщиком в церковь.

В 1884 году отец Алексей женился и вскоре был посвящен в диаконы, а затем и в иереи. Стали рождаться дети: Александра, Сергей, Петр, Ольга, София, Анна. В семье также воспитывалось несколько сирот, поэтому жили бедно.

В 1902 году жена отца Алексия матушка Анна умерла. Вне себя от горя он отправился в храм, где служил отец Иоанн Кронштадтский. «Стоя в соборе посреди десятков тысяч людей, я вдруг увидел взгляд о. Иоанна и услышал его голос: «Скорбящий отец Алексей, подика ко мне». Толпа расступилась. Он возложил на меня руки и сказал: «Свое горе разделяй с горем народа. Утешай, благословляй, молись за людей и помогай как и чем можешь, а сейчас будешь служить со мной литургию». Во время литургии не помню, где я был, точно на небе. Я не чувствовал под собой пола, точно стоял в воздухе, обливаясь слезами. А батюшка о. Иоанн рыдал и был весь в свете...»

Отец Алексей вернулся в свой приход. «Восемь лет я служил литургию каждый день в пустом храме. Один протоиерей говорил мне: «Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил я в церковь - пусто. Ничего не выйдет у тебя: понапрасну звонишь». Но отец Алексей продолжал служить, и через несколько лет народ пошел к нему рекой.

Во многих воспоминаниях повторяется одна деталь: маленький и невзрачный священник Алексей Мечев во время службы казался людям большим и даже огромным. В народе говорили, что своим духом он может и камни заставить служить Богу...

Старец утверждал, что наступило время, когда «все пустынноики и затворники должны выйти на службу народу». Отец Алексей вывел старчество из монастыря в мир. И многим это не понравилось. Над ним смеялись, в монастырях качали головой: «Взялся батюшка не за свое дело. Если он старец, то должен быть в монастыре». В миру судачили, что отец Алексей хочет всех упрятать в монастырь и завел у себя бесконечную службу... Но он поступал по-своему и говорил, что не может иначе.

Ни в храме, ни дома он не имел и свободной минуты. Очередь к нему на квартиру выстраивалась с ран-

него утра. Отец Алексей успевал с каждым поговорить, каждого приласкать и утешить. Он утешал не рассуждениями ума, а голосом сердца и многолетним опытом любви.

В 1922 году в столице началась кампания по изъятию церковных ценностей. Дорого обошелся отцу Алексею тот день, когда комиссия прибыла в его храм. Он был спокоен и ласков, но близкие видели, что он еле держится на ногах. Его огромное сердце, всегда открытое для всех, уже не выдерживало...

Протоиерей Алексей Мечев скончался 9 июня 1922 года от паралича сердца. В начале июня 1922 года, за несколько дней до смерти, он составил свое знаменитое «надгробное слово». «Присмотритесь ближе к этой житейской суете мира, - писал он. - С утра до поздней ночи, от ночи до утра мир суетится для себя. Бывают, правда, минуты - войдет человек в храм; обнимет его сила небесной жизни - и он в горячей молитве забудет мир с его страстями, с его безбожием в жизни, духом понесется в небо: он готов после жить только для неба, готов своими объятиями обнять все человечество; он с омерзением смотрит на свои грехи и пороки - и в его душе разливается как будто особенный мир... Но вот он опять вне храма; проходят две-три минуты, и увя! Где прежний мир, где прежняя любовь и вера? Дух суеты мирской, как ураган в пустыне, дохнет на прослезившегося человека житейской заботой - и снова начинается старая жизнь по плоти, снова открывается работа миру и страстям. И так до нового момента поднятия духа.

А как относятся люди друг к другу? Что прежде всего в этих отношениях? Себялюбие, которое во всем видит и ищет только свою пользу. Что мне говорить о страшных грехах, которые порождаются этим самолюбием.

Итак, забывающий Бога христианский мир! Опомнись! Оставь мирскую суету и познай, что на земле нужно жить только для неба...»

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ СОСТОЯЛАСЬ ЗАЩИТА МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ «ИСТОРИКО-БОГОСЛОВСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

Работа, представленная на соискание степени магистра богословия, была озаглавлена «Историко-богословский анализ деятельности Русского Студенческого Христианского Движения».

Выбранная тема глубоко интересовала соискателя лично, с точки зрения тех вопросов, которые в настоящие дни стоят перед Русской церковью и перед ее членами. Представляя свою работу комиссии, И.А. Спицына (г. Архангельск) сказала, что она стремилась рассмотреть историю РСХД, одного из наиболее ярких движений в Православии XX века, с тем чтобы осмыслить его в целом как подлинное духовное движение в народе Божьем. Целью данной работы был системный анализ РСХД, его плодов и уроков.

Научный руководитель работы доктор исторических наук, профессор О.Ю. Васильева, зав. кафедрой Религиоведения РАГС и зав. кафедрой Истории Церкви СФИ, в своем выступлении подчеркнула необыкновенное трудолюбие и целеустремленность соискателя. Она отметила, что, несмотря на рискованную широту темы, И.А. Спицына хорошо разобралась в огромном и разнородном материале. Выводы автора отличаются большой самостоятельностью, при том, что все исследования, связанные с историей РСХД, имеют славу «трудных вопросов» вследствие малой изученности темы в целом и труднодоступности материалов.

Выступившая на защите с рецензией И.В. Карацуба, кандидат исторических наук, доцент МГУ и доцент СФИ, дала в своей речи высокую оценку работе И.А. Спицыной. Она отметила, что автору удалось создать живую картину движения, удачно вписав ее в историко-церковный контекст российской эмиграции. Большой собранный материал представляет ценность для преподавателей истории, поскольку объемные приложения, которые содержатся в работе, прямо могут быть использованы для разработки программ семинаров и круглых столов. И.В. Карацуба сказала, что знакомство с представленной работой ей самой как историку было очень интересно и что оно побуждает ее продолжать следить за новыми исследованиями, касающимися РСХД.

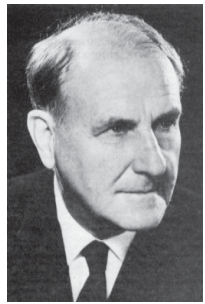
Интерес к РСХД очень высок и в Свято-Филаретовском институте, и в поддерживающем институт Преображенском содружестве православных братств. В жизни РСХД нельзя не видеть действие Святого Духа, рождающее настоящий пророческий дух и несущее дар свободы. Благодарное и в то же время трезвое и критическое изучение опыта РСХД, его истории и плодов имеет огромное значение для православных братств, помогая им осмысливать и строить свою собственную жизнь в Церкви.

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В Москве прошла международная конференция, приуроченная к 80-летию журнала «Вестник русского христианского движения»

7-8 декабря в Москве в помещении Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ) прошла международная конференция «Православие и русское общество в начале III тысячелетия», приуроченная к 80-летию журнала «Вестник русского христианского движения» (далее «Вестник»). В организации конференции вместе с БФРЗ участвовали издательство «УМСА-PRESS» и Русский общественный фонд Александра Солженицына.

Поздравление от имени А.И. Солженицына зачитала его супруга — Наталья Дмитриевна. В своем кратком выступлении она вспоминала, что «Вестник», вошедший в жизнь ее поколения 40 лет назад, был для них «трибуной для разговора с нами самими».

Н.М. Зернов

О вехах 80-летней истории журнала рассказал его бессменный вот уже на протяжении 54 лет главный редактор Н.А. Струве. «Благословенный год» — так Никита Алексеевич назвал год основания журнала. В том же 1925 году был основан Свято-Сергиевский богословский институт (отпраздновавший свой юбилей в октябре), и в Париж из Праги переехало издательство «УМСА-Press».

В начале «Вестник» представлял собой отпечатанный на ротаторе «журнальчик» (по выражению Н.А. Струве). Тогда уже существовали бердяевский «Путь» и один из лучших в истории русских толстых журналов «Современные записки». На этом фоне «Вестник» выглядел очень скромно, но он медленно развивался.

По мнению Никиты Алексеевича, секрет долголетия журнала — в его опоре на РСХД. Движение было «пророческим явлением активности, динамики церкви, чувства ответственности мирян за церковь и переживания ее универсальности».

Редакторами «Вестника» в довоенный период были такие известные деятели русской эмиграции, как Н.М. Зернов, Г.П. Федотов, И.А. Лаговский, В.В. Зеньковский. Каждый из них внес свой вклад в неповторимый образ издания. Основателем журнала Н.М. Зернову «Вестник» обязан своим «просвещенным экуменизмом», Николай Михайлович открыл православие для англосаксонского мира. Специалист по русской святости проф. Г.П. Федотов, отличавшийся необычайной глубиной и прозрачностью мысли, сделал журнал «провозвестником православной культуры, открытой во все стороны», он также призывал и сам был примером углубления в духовные недра России. «Горящий» миссионер, основатель и руководитель РСХД в Эстонии, основатель РКХД (Русского Крестянского Христианского Движения), духовный сын о. Сергия Булгакова, погибший впоследствии в ГУЛАГе, Иван Аркадьевич Лаговский сообщил «Вестнику» стремление постоянно вглядываться в жизнь современной России. Проф. прот. В.В. Зеньковский утвердил журнал как орган православной культуры, неутомимым строителем которой был он сам.

Во время войны в издании «Вестника» наступил вынужденный перерыв. После войны короткое время журнал выходил в Германии усилиями о.о. Александра Киселева и Георгия Беннигсена. Но полностью журнал был возобновлен уже в Париже усилиями тогдашнего председателя РСХД И.В. Морозова. С 1951 года его редактирует Н.А. Струве.

По характеристике Никиты Алексеевича главным устремлением редакции «Вестника» в этот период было завещанное Федотовым и Лаговским «вглядывание в то, что происходит в России». В 60-е годы удалось установить постоянную связь с Россией, главным звеном которой был Евгений Викторович Барабанов. Эта связь, «момент живого диалога с Россией», по мнению Струве, пролила жизнь журналу. Главный редактор вспомнил основные вехи начала этого диалога — опубликованные «Вестником» «Обращение к РСХД» читателей из России и ответ на

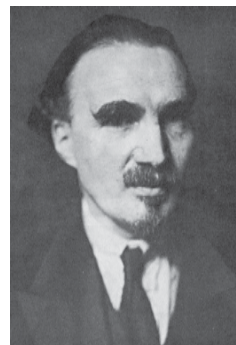
него о. А. Шмемана, знаменитый 97-й номер «Вестника», полностью составленный из публикаций российских авторов, ответом на который был знаменитый сборник «Из-под глыб».

Неожиданностью для главного редактора было то, что «Вестник» продолжает свою жизнь и после перестройки. Сейчас журнал «становится все более русским» — 90% его сотрудников живут в России.

Известный поэт и переводчик О.А. Седякова выступила с сообщением «Еще о невидимках (о людях, которые оставались душевно свободными в позднесоветские годы)».

Напомнив мысль философа С.Л. Франка о том, что история русской свободы и история российской здоровой мысли еще не написана, докладчица отнесла «Вестник» к явлениям именно этой истории. В своем выступлении она предложила взгляд со стороны тех, кто не был ни преследователями, ни жертвами, но носителями «тайной свободы» (по выражению английского исследователя Доналда Николса), т.е. тех, кто был свободен от режима.

Основная трудность этого прорыва к свободе заключалась в том, что здесь не было преемственности. Преемственность осуществлялась лишь в церковной среде. Там еще сохранились те, кто мог эту преемственность осуществлять так, как передается всякая подлинная традиция — «из рук в руки».

Г.П. Федотов

К путям обретения тайной свободы Седякова отнесла также личный призыв, что было не редкостью, и встрече с культурой (как преодоление отчуждения от собственной жизни). Так один из ее знакомых священников, услышав еще мирянином фортепианное переложение 9-й симфонии Бетховена, понял, что он должен служить Богу.

Специфическим путем освобождения было для подсоветского человека владение иностранными языками. Люди, читавшие в оригинале книги зарубежных авторов, представляли собой просто «другую расу». Свободу сохраняли и люди, уцелевшие с досоветских времен. «Оля, будьте внимательны. Вы последнее поколение, которое видит досоветских людей», — вспоминала докладчица слова своего учителя, известного филолога Б.А. Успенского.

Люди, знавшие тайную свободу, как правило, занимали скромные должности, такие как лаборант, гардеробщик, корректор. Поэтому в советские годы часто лаборант мог знать больше, чем заведующий кафедрой, корректор — быть образованнее главного редактора.

Воспоминанием о месте «Вестника» в жизни поколения, вступившего в активную жизнь 60-х и начала 70-х годов, поделился и известный христианский публицист Евгений Викторович Барабанов.

Начало общего стремления к открытости он отнес к 1957 году, когда, с одной стороны, подавление восстания в Венгрии уничтожило всякие иллюзии по поводу глубокой «десталинизации» советской системы, а с другой — Московский фестиваль молодежи показал совсем другой мир. Молодые люди слушали по радио зарубежные «голоса» с участием Бориса Зайцева, Владимира Вейдле, о. Александра Шмемана.

Евгений Викторович вспомнил, как в 1972 г. ему удалось убедить Александра Исаевича отдать свои книги для публикации не в «раскрученный» «Посев», как склонялся в начале Солженицын, а в значительно менее известное издательство «УМСА-Press».

В советское время Барабанов и Струве удалось встретиться только однажды в Польше. Для человека из СССР обстоятельства их встречи были глотком свободы, а для французского гражданина — погружением в ГУЛАГ. Среди авторов,

привлеченных Барабановым к сотрудничеству с «Вестником», был и известный христианский публицист, ныне священник Владимир Зелинский.

Ректор СФИ профессор-священник Георгий Кочетков поделился своими личными воспоминаниями о том, чем был для него и его друзей «Вестник», начиная с середины 70-х годов. В условиях дефицита богословской литературы, когда даже такие официальные издания, как «Журнал Московской Патриархии» и «Богословские Труды», читались полностью, «Вестник РСХД» просто «зачитывался до дыр». В публикациях «Вестника» «всегда чувствовался единый дух, а не просто единый редактор». Статьи о культуре располагали к церковно-культурному диалогу.

Особенно отметил о. Георгий тактичность редакции в таком деликатном вопросе, как сохранение анонимности авторов публикаций, присланных из подсоветской России. Так все статьи о. Георгия, написанные в условиях подполья, публиковались под разными псевдонимами.

Экуменичность «Вестника», отметил о. Георгий, — это скорее способность понимать другого и общаться без напряжения. Две очень важные «прививки» для современного православного общества, по мнению о. Георгия Кочеткова, дал «Вестник»: опыт новомучеников и опыт деятелей религиозно-философского возрождения. В разгар дискуссий о понимании общины «Вестник» способствовал встрече разных позиций, выступая как катализатор «соборования».

Говоря о сегодняшнем дне, о. Георгий отметил, что уже не читает «Вестник» «от корки до корки», но не может пройти мимо хотя бы одного номера журнала.

В.В. Зеньковский

Затем выступил о. Павел Адельгейм. Он говорил о церковных проблемах. О симфонии с новым неправославным государством. О возрождении синодальной системы, которое изменяется исключительно количественными показателями, потому что качество спорно. О том, что до сих пор не отменены решения соборов 1961 и 1971 гг., принятые в условиях несвободы, не получила соборной оценки Декларация 1927 года. О том, что получила распространение новая вера, только еще не обретшая своего ересиарха для полного оформления, суть которой выражается кратко, но сильно: церковь — это иерархия. О. Павел говорил также о церковном суде, который стал карательным органом в руках епископов, о процветании младостарчества, магизма и жречества. О. Павел привел совершенно вопиющие примеры из современной церковной практики о том, как иные новоявленные экзорцисты, практикующие отчитки, сотрудничают со знахарками и целительницами до тех пор, пока не возьмут со своих доверчивых жертв все «до последнего кодранта».

На этом фоне «Вестник» уже самим фактом верности Поместному собору

1917-18 г.г. помогает сохранить его читателям трезвенность и надежду на возрождение церковной жизни.

В своей реплике на выступление о. Павла Н.А. Струве оценил его как «острое» и «вызывающее возражения». Он также отметил, что «Вестник» во многом «продукт собора 1917-18 г.г.»

Второй день работы конференции начал секретарь Синодальной богословской комиссии, проректор Московской духовной академии, священник Владимир Шмалый. Он передал конференции благословения и приветствия от председателя комиссии митрополита Филарета и ректора академии архиепископа Евгения. О. Владимир говорил о том, что наследие русской религиозной философии еще не усвоено в духовных школах РПЦ.

Внук о. Павла Флоренского Павел Васильевич Флоренский представил новые документы из архива своего знаменитого деда и подробно рассказал о заслугах «Вестника» по возвращению имени и трудов выдающегося мыслителя.

Усилиям проф.-прот. В.В. Зеньковского по созданию церковной интеллигенции на основании РСХД и построению православной культуры был посвящен доклад Олега Тимофеевича Ермишина. Он кратко познакомил участников конференции с деятельностью созданной при непосредственном участии о. Василия Зеньковского Лиги православной культуры.

С личными свидетельствами о «Вестнике» 70-х выступили настоятель Покровского храма в Филях, кандидат истискусствования о. Борис Михайлов и заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир» поэт и публицист Юрий Михайлович Кублановский.

О. Борис рассказал о своей группе единомышленников, в которую входили также поэт Вадим Борисов, писатели Феликс Светов, Владимир Корнер и др. Связь с «Вестником» их группа поддерживала через недавно умершую сотрудницу французского посольства Анну Николаевну Прокофьеву.

Юрий Михайлович Кублановский охарактеризовал 70-е как время, которое определило мировоззрение общества. Диссиденты делились на правозащитников и патриотов. Последняя группа в свою очередь делилась на националистов и, условно говоря, веховцев тех времен. «Вестник» был выразителем чаяний этой небольшой группы.

О благородном тоне публикаций «Вестника» по экуменизму говорил в своем докладе В.А. Никитин. Он представил «Вестник» как журнал, выражающий взгляды «православного экуменизма», отличные от экуменизма Всемирного Совета Церквей.

В заключительном выступлении профессор МГИМО А.Б. Зубов поделился своими взглядами о перспективах студенческого христианского движения в России. По мнению Андрея Борисовича, в последние 15 лет в активную жизнь входит новое поколение свободных людей. От старшего поколения требуется окультивировать их.

Закончилась конференция презентацией «Дневников» о. Александра Шмемана.

Александр БУРОВ

СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЕПАРХИИ

Выступление протоиерея Петра Скоррера, секретаря фонда Св. Григория Неокесарийского на вечере памяти о Сергия Гаккеля 13 декабря 2005 года в музее А.А. Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург)

Мне шесть или семь лет. На елке для русских детей в доме Кульманов в Лондоне мы разыгрываем сказку о репке. Сережа, закутанный в большое одеяло, играет репку, а я - мышку. Сереже тогда было лет семнадцать.

С ним я общался мало из-за разницы в возрасте, но мать Сережи, Александра Соломоновна, была нашей учительницей в воскресной школе. Она была подругой моей бабушки, Татьяны Сергеевны Франк, и часто приходила к нам домой. Александра Соломоновна была глубоко верующим человеком и позднее приняла монашество с именем мать Алексия.

Мое следующее воспоминание об о. Сергии относится к 1960 году, когда мы участвовали в первом паломничестве из нашей епархии в Советский Союз. Группой была разношерстная: о. Сергей, Николай Зернов, Шура Пикерсгилл и я. Были еще паломники из Голландии и Швейцарии. Хотя о. Сергей был намного моложе большинства, он, как единственный из нас в священном сане, был избран руководителем группы.

Почти тридцать лет спустя, в 1989 году, я приехал с митрополитом Антонием в Москву на Архиерейский собор. Помню, как в вестибюле той же гостиницы «Украина» ко мне с таинственным видом подошел молодой человек из ОБЦС и посоветовал мне держаться подальше от о. Сергия!

Наши встречи были редки. Время от времени он брал у меня интервью для религиозного отдела Русской службы Би-би-си. Помимо конференций, собраний клира и богослужений в соборе в Лондоне, виделись мы не часто. Я познакомился с ним поближе тогда, когда несколько лет назад меня избрали секретарем Фонда св. Григория, и мы стали регулярно встречаться (по телефону, как известно его собеседникам, он редко говорил кратко и не ограничивался обсуждением дел).

Два года назад мы с о. Сергием принимали участие в записи Литургии Рах-

манинова в исполнении кембриджского Кингс Колледжа, и провели три дня вместе. Мы жили в одной гостинице, обедали вместе и много беседовали. Его жизнь была необычайно интересной; он много достиг, но был огорчен необходимостью разрываться между слишком большим количеством разных дел.

Сергей родился в 1931 г. в Берлине. Впоследствии семья переехала в Голландию, и, когда началась война, его мать сумела перебраться с сыном в Англию. С отцом своим, искусствоведом по профессии, он больше не увиделся - тот умер вскоре после окончания войны. Так как его мать работала уборщицей в известной частной школе, Сергея приняли туда.

Учился он очень хорошо. Окончив Оксфордский университет в 1952 г., он через год женился на Кристине Мосс (Christina Mosse). У них родилось четверо детей - Ваня, Маша, Макрина и Григорий. Проработав десять лет учителем в школе, в 1964 г. Сергей получил место лектора в Сассекском университете, где преподавал до 1988 г.

В 1958 г. митрополит Антоний рукоположил его в сан диакона, а в 1965 - во священника. О. Сергей служил в православном приходе в г. Льюис (Lewes) на юге Англии. Кроме академической карьеры и службы приходского священника, около тридцати лет он был главным редактором журнала «Соборность» (Sobornost), в который позднее вошел журнал «Обзор Восточных Церквей» (Eastern Churches Review), а также - с 1984 г. и до самой кончины - был редактором еженедельных религиозных программ Русской службы Би-би-си. Еще он принимал участие в работе различных организаций, таких как «Христиане Британии вместе» (Christian together in Britain), «Совет христиан и евреев» (Council of Christian and Jews), Содружество мч. Албания и прп. Сергия (Fellowship of St Alban and St Sergius); был председателем Фонда св. Григория,

а также деятельным членом ряда епархиальных комитетов.

Этот далеко не полный перечень обязанностей о. Сергия отражает широту его интересов и забот, а также необыкновенную работоспособность. Все же прежде всего он был набожный (сам он меня разрезал бы за это слово) православный христианин. Он глубоко любил Церковь; именно эта любовь и сделала его столь откровенным критиком Церкви, священником которой он был. В характере о. Сергия была бунтарская черта - он, к примеру, наотрез отказывался носить галстук, даже в школе. Он не любил помпезности и притворства, бежал роскошных облачений и церковного фарисейства. Он защищал Русскую Церковь, когда та находилась в плену, и громко выступал в защиту преследуемых, часто критикуя церковную иерархию за сговор с режимом. После 1991 г. он твердо встал на сторону более либеральной и открытого крыла в Церкви, и неизменно жестко критиковал тех, кого называл клерикальной и иерархической мафией, поэтому считался неудобным бунтарем.

Среди тех, кого он защищал, были о. Александр Мень и о. Георгий Кочетков. Он питал глубокое отвращение ко всяким проявлениям расизма, в особенности антисемитизма. Он не приобрел себе друзей среди более консервативно настроенного крыла Русской Церкви, когда в одной из своих статей назвал антисемитскими некоторые литургические тексты, в частности, в службах Страстной Седмицы, и предложил их удалить.

В день отпевания о. Сергия в кафедральном соборе в Лондоне, где еще так недавно он был старшим священником на отпевании своего архиерея, митрополита Антония, ко мне обратился один из наших священников, и сказал - мы потеряли совесть нашей епархии. И таким он действительно был.

О. Сергей посвятил много времени исследованию жизни м. Марии (Скобцо-

вой) и опубликовал монографию о ней по-английски и по-русски. Для него тип святости, олицетворенный ею, был идеальным свидетельством Православия в современном мире. Его вдохновляла ее забота об обездоленных и гонимых.

Книга о. Сергия о Матери Марии и его деятельность, направленная на популяризацию ее образа, способствовала ее прошлогоднему причислению к лику святых. Он был чрезвычайно растроган тем, что сподобился участвовать в службе ее прославления в Париже. Он был в облачении, расшитом ее руками, которое нашел в «Доме милосердия» - приюте для бедных на Рю Лурмель, основанном м. Марией - незадолго до его сноса.

Забота об обездоленных проявлялась и в его работе в Фонде св. Григория. В течение более чем десяти лет он был председателем этой организации. Он был весьма требовательным и исполнительным в своей роли на заседаниях совета директоров. Он внимательно выслушивал все просьбы, и его чувство справедливости и желание облегчить долю всем обращающимся за помощью его глубоко волновали. Он часто поддерживал малые - нередко индивидуальные - проекты, предлагаемые сотрудниками в России в помощь нуждающимся. Его широкие связи в разных кругах в Англии, и не только религиозных, давали ему возможность рассуждать о работе фонда и собирать деньги на него.

Его семья, его приход, наша епархия и церковь, особенно в России, обеднели, потеряв столь необыкновенного человека. Но я убежден - сейчас его встречают те, кто, во многом благодаря его трудам, были недавно прославлены. Совсем не случайно день его кончины пришелся на день памяти трех недавно прославленных новомучеников, принявших смерть вместе с Матерью Марией: ее сына Юрия, священника Димитрия Клепинина и Ильи Фондаминского.

Вечная память!

ОН ДАРИЛ СЕБЯ ЛЮДЯМ

Интервью с Иваном Гаккелем, сыном о. Сергия

О. Сергий Гаккель в дни прославления матери Марии и ее сподвижников. Париж, май 2004 г.

Самое главное, что можно о нем сказать - это то, что есть очень большое различие между ним дома и им где-либо еще. Это не значит, что он был разным с разными людьми или создавал дистанции, я имею в виду то, что он отвечал каждому конкретному человеку, как того требовала ситуация, на каждую конкретную потребность.

Многие его стороны были затронуты вчера на вечере в музее Ахматовой - его интересный юмор, тонкое чувство юмора. С ним случались истории, вокруг него происходили комические ситуации; людям было радостно общаться с ним...

Были и другие сферы его интересов, даже глубокие познания, которые не всегда можно ожидать от человека этого призвания, служения - священника, - вместе с его глубокой любовью к церкви, - например, его интерес к джазу, познания в музыке и культуре - с раннего возраста... Это затронуло и меня. С детства я привык слушать разную музыку, композиторов, которых передавали по радио. Он был знатоком и специалистом в изобразительном искусстве, не только традиционном, но и современном. То есть он был очень разносторонне интересующимся человеком.

- Что вы обсуждали, читали вместе с ним, что было предметом вашего общения?

Те вещи, о которых мы говорим - здесь, так получилось, я разделял его интересы, образовалась связь... Ситуация в мире, события, происходящие в мире, политика, природные бедствия, и вместе с тем, мы также много говорили о джазе, живописи, коллекционировании живописи, что мне было очень интересно...

Трудно сказать что-то особенное. С ним было очень комфортно общаться, ты чувствовал себя очень хорошо в общении с ним. Особенное было в том, что с ним не обязательно было что-то обсуждать, о чем-то говорить, с ним было очень хорошо просто молчать, сидеть в тишине...

- Можно сказать, что он был вашим старшим другом? Не только отцом, но и другом?

Да, во многом так. У него была эта способность быть и взрослым, и старшим другом. Это были теплые отношения, которые вытекали из характера общения в нашей семье. Мы могли вместе смеяться над какими-то комедиями или книгами...

- Был ли кризис, связанный с переходным возрастом?

Ничего особенного, в порядке вещей. Есть один интересный момент - но свя-

занный уже с его подростковым возрастом, не моим - то, что он был ужасно робким, застенчивым, и вы никогда не могли узнать, что действительно его волновало, что произошло, например, в какой-то ситуации. Вообще он был разносторонне одаренным человеком. Например, если говорить об атлетике, когда он учился в Оксфордском Университете, был хорошим спортсменом, и даже, например, талантливым актером.

- Как он заботился о христианском воспитании своих детей? Читал ли с вами

Евангелие, учил молиться, приводил в храм?

Не было чего-то особенного. Еще в Лондоне мы ходили в обычную школу, имели возможность говорить по-русски. Мы проводили много времени в русском эмигрантском собрании, где располагался и наш главный храм. Когда мне было 7 лет, мы переехали в Сассекс, службы проходили прямо в доме, т.к. не было храма как такового. Отец как-то не пользовался своим положением священника, своим призванием в этом отношении, не устраивал дома монастырских порядков.

- Как вы отдыхали семьей в свободное время?

Свободное время! (Смеется.) Он был очень занятым человеком, активным, постоянно что-то писал, встречался с людьми, а с годами становился еще более занятым... Многие это понимали и старались помочь. Он был очень светлым человеком, люди стремились к нему. Он был таким человеком, что это было его миссией, служением, он дарил себя людям.

- То есть возможностей для каких-то совместных прогулок, поездок не было?

Он никогда не пренебрегал нами, детьми, как родитель. Да, мы, бывало, гуляли, загородом, он любил это, он и сам гулял после работы, встреч с людьми.

- Каким он был дедушкой? Любил ли встречаться, общаться с внуками?

Насколько я мог наблюдать, он был очень ласковым дедом. Для детей он был своим, им было легко с ним. У него была уникальная способность размышлять как ребенок, когда он, например, играл, занимался с ними или говорил с ними по телефону. Это я могу сказать и из опыта моего детства. Да, он был очень преданным детям. Думаю, он немного страдал от того, что не имел возможности чаще общаться с детьми, потому что столько еще нужно было сделать!

Беседовал Александр Буров
перевод Анны Лепехиной

ДОВЕРИЕ КАК УСЛОВИЕ ЦЕРКОВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Интервью с секретарем ОВЦС МП по межправославным отношениям протоиереем Николаем Балашовым

Продолжение. Начало на с. 1

Кифа: Исторические примеры дают возможность нашему движению надеяться именно на такой поворот событий. Мы недавно познакомились с одним движением в Румынской православной церкви, которое называется «Воинство Господне».

О. Николай: Да, я читал очень интересное интервью в вашей газете с отцом Василием Михоком.

Кифа: Это движение переживало большие трудности в начале своей истории. Его основатель, о. Иосиф Трифа, был извержен из сана.

О. Николай: Но об этом в интервью ничего не говорилось.

Кифа: Тем не менее, это исторический факт. А сейчас они имеют большой авторитет, именно благодаря своей деятельности. Во время конференции СБК мы спрашивали румынских священников об этом движении. Они немножко подсмеиваются: «Мы знаем про «Воинство Господне» — они не курят и не пьют, но тем не менее они православные». Но когда мы прямо спросили: «У вас есть какие-то наращения, претензии?», то сразу получили ответ: нет, эти люди — опора прихода.

О. Николай: О языке богослужения вот еще что важно сказать. Мы все же продвинулись в осмыслении этого вопроса. Дискуссия начала XX века по поводу славянского и русского языка была совершенно наивна в филологическом отношении. Хотелось бы отметить работы А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой, а также Ксении Кончаревич в Сербии, в которых проблема соотношения между церковнославянским и русским, церковнославянским и сербским языками подверглась серьезному, добросовестному и благотворному научному изучению. Я думаю, что таким образом была создана важная научная база для будущих работ в этой области. Уверен, что они будут. Скорее всего, в обозримом будущем наибольшую перспективу имеют труды по продолжению редактирования церковнославянского богослужебного текста. Плоды работы Сергиевской комиссии по исправлению богослужебных книг, которая трудилась в течение 10 лет — с 1907 по 1917 год, — должны быть в полной мере востребованы в церковной жизни. Это было мнение, как вы знаете, и свт. Афанасия (Сахарова). Я уверен, что труды самого владыки Афанасия должны стать общедоступными. Нужно хорошее переиздание Сергиевских Триодей, нужно издание правленого владыкой Афанасием Октоиха. Думаю, это были бы важные шаги для дальнейшего развития.

Кифа: А Вам известен «Словарь церковнославянских наречий»?

О. Николай: Да, словарь Ольги Александровны Седаковой — тоже прекрасный вклад в будущие труды в области редактирования и улучшения понимания церковнославянского текста. Эта книга, на мой взгляд, — просто удивительное явление. Мне в жизни не попадалось никакого другого словаря, который можно читать, как роман, — страница за страницей, с неослабевающим интересом, хотя, казалось бы, я не совсем новичок в этой области, знаком с церковнославянским языком и богослужебными текстами. Думаю, это очень полезная работа, которой от всего сердца желаю большого распространения, востребованности.

Кифа: Я, тем не менее, вижу здесь противоречие между тем, что делают профессионалы (потому что такой массив, как наше богослужение, требует профессионализма), и тем, что то же богослужение является общественным, народным, т.е. проявлением народного благочестия, народного духа. Есть противоречие между неспешностью корпоративных устремлений и тем, что нужно уже сегодня «простым верующим». Ведь людям бывает очень трудно войти в дух и смысл, в ту глубину, где они не только могут все это узнать, но начать в этом жить, почувствовать себя свободно.

О. Николай: Я не думаю, что «профессионалы», сословие иереев стоят за неизменность, а народные массы — за революцию и перемены. Мой личный опыт общения показывает, что дело обстоит наоборот. Поскольку иереи обременены пастырскими обязанностями, они, как правило, осознают — да, есть эта проблема. А вот «продвинутые миряне» чаще защищают незыблемость, неизменность.

Если говорить о начале реальной работы по редактированию богослужебных текстов, имеющей общецерковную значимость, то мы сейчас постепенно накапливаем необходимый для этого потенциал. Когда эти вопросы были поставлены на Архиерейском соборе 1994 года, тогда еще не было в церкви

тех научных сил, которые существуют сегодня. Мне бы тоже хотелось, чтобы дело, признанное важным на соборе больше десяти лет назад, двигалось скорее. Но и работа Сергиевской комиссии вполне могла бы начаться лет на 30 раньше. У свт. Феофана Затворника было полное убеждение, что пора к такой работе приступать. Тем не менее, при его жизни она не началась. Не сложились условия, не оказалось нужного человека, чтобы такую работу возглавить.

Кифа: Но ведь это некоторый исторический урок для нас. Тогда это время было упущено, и упущено роко-

Фото Евгения Фоминых
Прот. Николай Балашов и проф.-протопресв. Виталий Боровой на актовом дне Свято-Филаретовского института

вым образом. Собор шел под канонаду революционных событий.

О. Николай: Это другой вопрос — почему собора не было раньше и что бы изменилось, если бы в гипотетическом случае он состоялся не в 1917 году, а в 1907. Тут могут быть очень разные мнения, и к тому же справедливо замечание, что история сослагательного наклонения не знает.

Кифа: И все-таки история может быть для нас предостережением. Известно, что бывали долгие, иногда вековые периоды застоя, которые кончались неизбежным взрывом.

О. Николай: Есть опасность, согласен. Поэтому как недвижность, так и поспешность — это две крайности, которых надо было бы избежать. Но я с оптимизмом смотрю в будущее, потому что вижу, как тут и там появляются ростки новой жизни, у которых будет продолжение.

Конечно, когда читаешь многие тексты дискуссии начала XX века, то становится чрезвычайно досадно их до сих пор сохраняющаяся актуальность. Казалось бы, за прошедшие 100 лет что-нибудь должно было измениться. Но не надо забывать, каким горьким и жестоким для церкви было это время. Совершенно правильно Святейший патриарх на Архиерейском соборе в 1994 году говорил, что развитие форм богослужебной жизни было прервано, потому что невозможно было полноценное творчество в период пленения церкви.

Кифа: Но ведь и в последние годы не произошло какого-то бурного творческого развития. Скажем, литургическая комиссия в течение пятнадцати лет в основном составляла каноны, тропари и акафисты вновь прославленным святым, а больше ничем не занималась.

О. Николай: В церкви часто вещи происходят медленно. Я бы хотел призвать к пониманию того, насколько чувствительна ткань церковной жизни и как осторожно, предельно осторожно нужно относиться ко всем движениям, которые могут причинять кому-то боль и вызывать рост противоречий, опасных для единства тела церковного.

Кифа: Здесь вспоминается взвешенный и очень церковно-ответственный подход, который был предложен на Соборе 1917-18 гг. в плане богослужебного языка: те общины, которые хотят, готовы — могут служить по-русски по благословению епархиальных архиереев.

О. Николай: Так и было, и процесс этот пошел и в Петроградской епархии, как вы знаете, и в Нижегородской. Но в конце концов нарастающий вал гонений задавил эти ростки.

Кифа: Тем не менее стихийно русификация происходит. Я как штатный приходской катехизатор, помогающий при крещении, знаю, что священники русифицируют тексты.

О. Николай: Да, очень часто, потому что священники понимают: перед ними люди, которые пришли только-только в церковь.

Кифа: Но при этом с филологической точки зрения эти переводы...

О. Николай: Иногда ужасны. Ухо режут.

Кифа: Поэтому наличие такого текста перевода, с которым мог бы себя сверять пастырь, насущно уже сейчас — для тех, кто сейчас приходит на крещение, кто сейчас приходит в храм.

О. Николай: Согласен. Но для этого нужно, чтобы возникли тексты переводов, которые обладали бы убедительностью. Когда я работал над книгой о литургическом возрождении, я старался доносить до сегодняшнего читателя взгляды наших отцов, которые жили в начале XX века, сделать их участниками того процесса, который происходит у нас в церкви сегодня. Мне дороги их искания, дорого то, чем они жили. Но я должен честно признать, что не видел русских переводов богослужебных текстов, которые были бы для меня убедительны, которые не резали бы ухо, которыми хотелось бы практически пользоваться. В интеллектуальном и пастырском отношении я признаю нужду в серьезном развитии в этой области, а в плане личного восприятия, как богомолец, остановился бы на хорошем редактировании существующих славянских текстов.

Кифа: Неужели нет славянских текстов, которые Вам режут ухо?

О. Николай: Есть, конечно. Многие просто смущают, я прекрасно понимаю, что практически 100% людей, собравшихся в церковь, хорошо еще, если не понимают их, а то и понимают совершенно превратно, что хуже. Но хороших, убедительных русских текстов я почти не видел.

Кифа: Какие-то общины могли бы быть некоторыми церковными пространствами, где мог бы идти диалог, как у нас это происходит. Ведь отец Георгий постоянно и во многом благодаря откликам людей редактирует свои переводы, скоро выйдет четвертая редакция текстов Вечерни, Утрени и Литургии св. Иоанна Златоуста.

О. Николай: Я об этом где-то недавно прочитал в сети, в каком-то живом журнале. Автор которого, как я понимаю, один из деятелей молодежного движения московских духовных школ. Видно, что ребята, которые учатся в семинарии и академии, думают о проблеме языка. Сейчас растет поколение, которому, скорее всего, и удастся решить эти вопросы. Вообще, переводов богослужебных текстов появляется все больше и больше.

Кифа: Архиепископ Херсонский и Таврический Ионафан постоянно публикует свои переводы.

О. Николай: Владыка Ионафан — подвижник в этой области, он издал уже много переводов. Проблема владыки Ионафана в том, что ко времени, когда его новая редакция увидит тиснение, он уже глубоко ею не удовлетворен и говорит: да, мы отпечатали этот текст, но сюда необходимо внести существенные поправки. Т.е. дело находится в процессе, в движении.

Кифа: Нормальный текст только так и может возникнуть, причем в живом церковном общении.

О. Николай: Что нужно для того, чтобы локальные опыты использования новых текстов были востребованы в общецерковном плане? Нужно восстановление доверия. По моему глубокому убеждению, проблема лежит здесь — в восстановлении доверия в церкви, в т.ч. и к доброкачественности исканий, опытов, дерзаний. Это относится не только к области богослужения, но и к области миссионерской деятельности. Воспитание уважения и доверия к членам церкви, которые думают не так, как думаешь ты, и, может быть, не так, как думает большинство, — это очень важное условие того, чтобы жизнь церкви стала более творческой. А со стороны настроенных творчески и ищущих нового столь же необходимы уважение и доверие к остальным, отказ от искушений элитарностью. В частности, необходимо уважение и доверие к служению иерархии, настроенной, как правило, консервативно. И это естественно, поскольку епископам вверена ответственность за единство, за целостность церкви. Всем нужно ощущение живой связи с остальными членами Тела Христова.

Беседовали
Александр Буров и Александра Кольмагина

СЛУЖИТЬ ВОЗРОЖДЕНИЮ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ

Актовый день Свято-Филаретовского православно-христианского института состоялся 3 декабря в Москве

3 декабря в помещении Института философии РАН прошёл Актовый день Свято-Филаретовского православно-христианского института, посвященный памяти святителя Филарета Московского.

Актовый день - это ежегодная встреча профессорско-преподавательской и студенческой корпорации Института, а также его благодетелей и друзей, когда есть возможность вместе подвести итоги прошедшего года, порадоваться успехам и поблагодарить всех тех, кто своей бескорыстной помощью содействует многообразной деятельности СФИ. Собрание открылось приветственным словом ректора СФИ, проф.-свещ. Георгия Кочеткова, который поздравил присутствующих с Днем Института и его небесного покровителя и высказал слова благодарности всем, кто в прошедшем году помогал Институту организационно и материально, обеспечивая возможность служения христианскому просвещению.

Прот. Николай Балашов, секретарь ОВЦС по межправославным связям, приветствовал Институт от имени председателя Отдела митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла и пожелал преподавателям, сотрудникам и студентам СФИ и в дальнейшем вносить в церковную сокровищницу свои знания и опыт, подражая в этом свт. Филарету, особо мудро заботившемуся о благе всей церкви.

Учёный секретарь СФИ Л.Ю. Мусина зачитала поздравления от членов попечительского совета Института, в которых отмечались уникальность и огромная ценность предоставляемого Институту образования. В частности, известный поэт и христианский мыслитель, доктор богословия Ольга Седакова подчеркнула в своем приветствии, что здесь «формируется... редкий в нашей традиции склад верующего человека: свободного и при этом верного сокровищам православной веры, открытого диалогу с миром современного знания, с «человеком современности», который немислим без интеллектуального поиска и рефлексии». Известный историк проф.-свещ. Герхард Подкальский пожелал всем членам институтской корпорации любить добродетель «подлинного смирения, горячей любви к Богу и жертвенного отношения к людям», подобно святителю Филарету, чье имя - Фил-аретос - переводится с греческого языка как «любящий добродетель».

Присутствовавший на актовом дне старейший член попечительского совета, доктор богословия, профессор-протопресвитер Виталий Боровой очень живо поздравил Свято-Филаретовский институт с праздником, отметил его высокий и продолжающийся рост профессионализма и указал, что целью Института должно быть всемерное содействие новой христианизации России и всего постсоветского пространства.

В отчетном докладе о. Георгия Кочетков отметил, что за 17 лет существования института в нём сложились свои традиции и стиль жизни, направленные на исполнение его призвания - служить возрождению жизни Русской православной церкви. «Наша задача, - сказал отец Георгий, - продолжение святоотеческой традиции углубления в познании личности Иисуса Христа, без чего невозможно обновление церкви».

В прошедшем учебном году в СФИ были защищены 20 бакалаврских и 1 магистерская работа; в нынешнем году в нем учится 166 человек, 69 из которых - заочники из 28 городов и 7 стран. Кроме того, 171 человек получают среднее богословское образование в существующем при Институте Богословском колледже. В этом году в Институте открылся новый факультет дополнительного профессионального об-

разования по религиоведению. Благодаря участию сотрудников СФИ во многих международных конференциях Институт становится все более известен в христианском мире. Студенческая конференция «Сретенские чтения», проходившая, как обычно, в феврале, собрала 120 участников, из которых около 40 выступили с докладами. Участие издательства СФИ в книжных ярмарках в различных городах России свидетельствует о популярности и высокой востребованности издаваемой Институтом литературы со стороны церкви и общества.

Отец ректор особо отметил работу Института по подготовке катехизаторов. В СФИ работает кафедра миссиологии, катехетики и гомилетики, преподается одноименный курс и постоянно действует кружок катехизаторов. Для проверки качества подготовки катехизаторов в СФИ разработана специальная программа, по которой сдается экзамен - катехизаторский минимум, необходимый всякому, приступающему к практической катехизационной деятельности. Также был создан особый методический центр, который осуществляет помощь в подготовке катехизаторов и сбор необходимых методических материалов. В рамках катехизаторской деятельности Содружества малых православных братств в 2005 году уже прошли полный курс оглашения 158 человек и в настоящее время оглашаются еще 328, причём около половины из них - вне Москвы.

Особую благодарность отец ректор выразил всем, кто в прошедшем году помог отстоять помещения Института, так что сейчас уже нет прямой опасности их потери.

О. Георгий подтвердил, что в последнее время наметилось оживление отношений с рядом высших церковных структур, что даёт возможность существенно расширить сотрудничество с ними в различных сферах на благо всей церкви.

По традиции, сложившейся в СФИ, Актовый день - это и праздник науки. Поэтому после отчета о жизни института последовала актовая речь на тему «Экклезиология апостольского века: жизнь во Христе и начало богословия», которую прочла учёный секретарь СФИ, зав. кафедрой Священного писания Л.Ю. Мусина. В докладе на материале текстов Нового завета было показано, как первое христианское поколение осознавало себя с точки зрения своей призванности в «собрание Божье во Христе Иисусе». Была сделана попытка увидеть, как в уникальной культурно-религиозной среде первоначальной церкви рождались ключевые экклезиологические термины и какое развитие претерпело их богословское содержание уже в рамках апостольского века. В докладе было подчеркнuto, что для первых христиан было немисливо перенесение представления о спасении в индивидуальный контекст и что реальное единство во Христе, которое выражалось в образе Тела Христова, имело столь же реальную евхаристическую основу.

Зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики, канд. филол. наук, доцент Д.М. Гзгзян, подхватив мысль, прозвучавшую в заключительной части актовой речи, обратился к собравшимся, особенно к студентам, с призывом собирать церковное предание и больше думать над тем, как выражать его на понятном языке и как соединять богословие и практическую христианскую жизнь.

В заключение со словами благодарности выступили представители студентов бакалавриата и магистратуры, поздравившие о. ректора и весь профессорско-преподавательский состав с днём святителя Филарета.

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРОШЕЛ ВЕЧЕР ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ ХРИСТИАНСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВЛАДИМИРА БИБИХИНА И СЕРГЕЯ АВЕРИНЦЕВА

В воскресенье 11 декабря в первую годовщину смерти В.В. Библихина в актовом зале СФИ была отслужена лития и состоялся вечер памяти, на которые собрались друзья, коллеги, студенты и все те, кому дороги память и наследие Владимира Вениаминовича Библихина и Сергея Сергеевича Аверинцева, день рождения которого отмечался накануне.

Вели встречу близко знавшие Владимира Библихина и Сергея Аверинцева д-р богословия поэт Ольга Седакова и ректор СФИ проф.-свещ. Георгий Кочетков.

Вечер памяти двух выдающихся русских мыслителей последней трети XX века собрал удивительную аудиторию, где в благодарной любви и единстве духа и смысла встретились представители церкви, академических ученых кругов, русской эмиграции и студенты московских вузов.

На вечере со своими воспоминаниями и размышлениями выступили о. Георгий, зав. сектором Института философии РАН проф. А.П. Огурцов, проф. Н.А. Струве, О.А. Седакова, проф. С.С. Неретина, к. филол. н. Г.Б. Гутнер, В.К. Котт и другие.

БРАТСТВО «СРЕТЕНИЕ» ПРОДОЛЖАЕТ ЦИКЛ ВСТРЕЧ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ: АЛЕКСАНДР ГОРДОН И «ОБРАЗ БУДУЩЕГО»

В рамках таких встреч в стенах СФИ уже побывали известный поэт и переводчик Ольга Седакова, главный редактор журнала «Вестник РХД», лауреат гос. премии РФ, проф. Никита Струве, народный артист СССР, режиссёр Сергей Юрский, президент РГГУ, проф., д.ист.н. Юрий Афанасьев. Эти встречи ставят своей целью создания площадки для диалога церкви и общества.

11 декабря братство принимало Александра Гордона, редактора и ведущего телевизионной программы «Гордон 2030», выходящей на ОРТ, лидера недавно сформированного общественного движения «Образ будущего».

История сотрудничества братства «Сретение» с А. Гордоном насчитывает уже не один год. Ректор СФИ проф.-свещ. Георгий Кочетков, зав. кафедрой Богословских дисциплин и литургики к. филол. н., Д.М. Гзгзян, зав. кафедрой Философии и гуманитарных дисциплин, к. филол. н. Г.Б. Гуттнер, некоторые преподаватели Института участвовали в его авторских программах на радио и телевидении.

Александр Гордон начал своё представление братству с нескольких слов о своей биографии, после чего изложил принципы общественного движения, продвижением которого он сейчас активно занят. (О движении «Образ будущего» наша газета писала в предыдущем, 11(37) номере).

Апеллируя к традиционному для церкви и русского народа опыту общинности и соборности, А. Гордон поставил перед собравшимися вопрос о возможности использования этого опыта за границами церкви для создания в России гражданского общества.

Братство «Сретение», среди членов которого есть люди разного возраста, разного социального положения и самых разных профессий, живо реагировало на вопросы гостя. В течение 4-х часов оживлённой дискуссии члены братства делились опытом разрешения конфликтов, обретения личностной свободы и ответственности за свою жизнь и за жизнь конкретной общины (общности людей), опытом общения людей, разных по духовным, психологическим, социальным, экономическим и культурным характеристикам. Было сказано, что только человек, имеющий опыт свободы и ответственности, может иметь силы и интерес для решения как социальных, так и церковных вопросов.

Собравшиеся отметили, что и церкви и обществу предстоит решить одну общую серьёзную задачу - обрести общие ценности и смыслы, способные объединить людей. И в этом общем деле и церковь и общество могут обогатить друг друга.

ЭСХАТОЛОГИЯ: КОНЕЦ ВРЕМЕНИ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ВРЕМЕНИ?

Из доклада профессора Христоса Яннараса (Афинский университет) на конференции СБК 14-17 ноября 2005 г.

Когда Церковь говорит о «последних» событиях, то показывает свою веру-доверие и надежду на Христа. Она говорит не о том, что знает как исторический опыт, а о том, на что уповает.

Церковный факт - это еще не религия в истории человека и даже не лучшая из всех религий. Религии дают кодифицированные «убеждения» о загробной жизни и о конце мира. Религии - это порождения естественной, инстинктивной необходимости, которую имеет человек для метафизической уверенности, - главным образом, психологической, что его я «спасется», т.е. продолжит существовать вечно, что его я будет бесконечно счастливым.

Церковь - это институт иного порядка. Она благовествует свободу человека от необходимостей, которые навязывает ему его тварная и смертная природа, т.е. свободу от времени, места, тления и смерти, свободу от инстинктивной необходимости человека в религии. В Церкви «побеждаются естества уставы». Побеждаются и «мысленные идола», интеллектуальные и психологические лжеутешения религии относительно «последних судеб».

Пожалуй, для того, чтобы осязать нечто из реальности (истины) Церкви, мы постоянно должны иметь перед собой факт отличия Церкви от религии.

Церковь ничего не знает о последних днях. Она вверяет себя любви Божией и надеется. Это доверие является иным видом знания - не психологического или «мистического» - а знания, которое возникает из отношения и которое мы, люди, вкушаем всякий раз, когда воистину влюблены. Такое знание приносит евангельское слово, поэтому язык церковный не повинуется языку науки, нашему повседневному языку, пределы которого являются пределами нашего мира. Благовестие Церкви воплощается в наш

язык, но не вмещается в понятия нашего языка, не исчерпывается значениями нашей мирской эмпирики. Церковь благовествует «то, что око не видело и ухо не слышало и что на сердце человеку не приходило» (1 Кор. 2,9), она отсылает к «неизреченным глаголам, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12,4).

Поэтому можно слушать язык церкви и воспринимать по-иному церковный язык, словно речь идет о языке еще одной религии. Можно петь вместе с Церковью, что смерть «попирается смертью» и в то же время считать, что человек победит смерть своими личными добродетелями, своими заслуживающими награды религиозными достижениями. Другими словами, может произойти то, что случилось с книжниками и фарисеями, в высшей степени религиозными людьми эпохи Христовой. Перед ними был воплотившийся Сын Отчий, Слово Причинной Власти, облеченное материальной и ограниченной плотью (сколь материалов и ограничен и язык Его евангелия). И даже не подозревая, к какому откровению вело это материальное личное присутствие, они верили (с достохвальной религиозной верой), что Он «беса имеет и князем бесовским» упраздняет естества уставы (Мф. 12,24).

Опыт участников церковного события полагает в качестве условия для подхода к уразумению смысла евангельского языка апофатизм. Напомню семантическое определение апофатизма. Это невозможность исчерпать истину в ее формулировке - между пониманием формулировок истины и знанием истины существует расстояние, которое можно покрыть только эмпирически...

Я должен осязать историческое присутствие воплотившейся Любви Божией к человеку, присутствие Жениха Христа через любовную связь со свидетелями Его

присутствия. Это познание эмпирическое, это не информация или учеба. Эта связь функционирует как самопередача и самоприношение, т.е. как вера, составляя факт и орган общения бытия - Церковь. Мое участие в церковном факте - это эмпирическое познание конца или цели моего бытия, предвкушение полноты связи, и Церковь благовествует эту полноту как надежду и цель последних событий: «Да вси едино будут, потому что Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, да будут совершенны во едино» (Ио. 17,21-23). Больше чем через эмпирическое познание, которое даёт полноту связи любви, нам в Церкви не нужно. Нас не интересует, вечным ли будет наше я. Нам достаточно, что существует Тот, которого мы любим. «Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя. А живем ли, то живем для Господа, умираем ли, для Господа умираем. И потому живем ли, или умираем - мы Господни» (Рим. 14,7-8).

«Новых небес и новой земли, по обетованию Христа мы ожидаем» (2 Петр. 3,13). Логика нашего чаяния опять-таки является логикой связи, отношения, не логикой выводов естественного (научного) наблюдения. Мы ожидаем, что в конце концов спасется любое самое малое проявление любви Божией, начиная с красоты незначительного полевого цветка до головокоспиральной гармонии движения галактик, от удивительной красоты поступи леопарда до света в глазах ребенка или того же света, который становится улыбкой на устах матери.

Мы чаем, что как результат слова Божия, творческих действий Бога, спасется красота и премудрость небес и земли. «Тот рече и быша, и слово Господне пребывает во век». Да спасется всё, свободное от необходимости, которая управляет тварью - от тления, страха, боли, смер-

ти - спасется как нетленная плоть Сына, воссещая одесную Отца. Да спасется и время уже не как преемство предыдущего и беспредел последующего и поэтому вызывающее лишь панику. Но да спасется время как свобода от всякого предопределения, как динамика удивлений «от славы к славе» в ощущении связи «лицом к лицу» с Женихом и нашей Любовью - Христом.

Для образа мыслей нашего современного языка и нашей науки, да и для нас самих с нашим маловерием это эсхатологическое чаяние является «пустыми словами» (Лк. 24,11), сентиментальной фантазией, «демонстрацией психологических наших желаний». Однако в Церкви мы продолжаем петь: «Начало мне и ипостась бысть творческое Твое повеление». Это песнопение наше является иной онтологией, откровением иного способа бытия. Это не материальная наша природа, говорим мы, которая для нас является ипостасью (действительным бытием), это - зов, с которым к нам обращается Бог и который создает нас в бытие из небытия. Мы существуем как ипостасный ответ на зов Божий осуществить бытие как связь с Ним.

Даже по свидетельству наших наук сегодня наивность, с которой мы отождествляем человеческое бытие с биологической и психологически индивидуальностью, является легкомысленным заблуждением. «Разумный субъект рождается на месте Другого», утверждают наши науки. Наше бытие определяется лишь как относительность, желание жизни как связи.

В Церкви мы не знаем ничего о последних (эсхатологических) фактах. И это неведение «превыше всякого знания».

полностью доклад размещен на сайте Синаодальной богословской комиссии

ВЕРА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ДОВЕРИИ

Интервью с профессором Христосом Яннарасом

ями. В чем Вы как богослов видите путь преодоления этих страхов и связанных с ними страха перед общением с Богом и людьми и страха перед любовью и свободой?

Проф. Яннарас: Я думаю, что страх - это следствие нашей смертной природы. Не случайно церковь постоянно говорит с нами о вере. Но внимательная вера не заключается в убеждениях. Вера заключается в доверии по отношению к Тому, Кто возлюбил нас безумной любовью. Кто из нас полностью доверяет себя Богу, тот не имеет страха. Но доверие предполагает личные отношения. И личные отношения предполагают выход из своего эго. Нужно выйти из всех крепостей, которые построит наше эго, даже из религиозных крепостей, чтобы действительно приобрести то доверие, которое отождествляется с верой и любовью. Это не нужно идеализировать. Все это надо найти в нашем повседневном опыте. Ведь даже в наших межличностных отношениях, чтобы приобрести подлинное доверие, надо пройти через познание другого. И доверие совершается тогда, когда мы начинаем его любить.

Кифа: Очень немногие люди в церкви сейчас имеют связанный с этим опыт общения друг с другом на уровне общины. Отчасти это показали вопросы, которые прозвучали после Вашего доклада. Какие Вы видите практические пути возрождения в церкви доверительных, любовных и открытых отношений между ее членами?

Проф. Яннарас: По моему личному мнению, огромный долг пастырей сегодняшней церкви - это новое открытие истины и реальности прихода. Без прихода христианство становится идеологией, морализаторством. Приход является реализацией нашей экклезиологии, это значит реализацией и манифестацией церковной действенности.

Кифа: Раньше, когда человек говорил, что он живет в таком-то приходе, все его понимали. Он просто называл свой адрес,

свое место жительства. Сейчас - в России, по крайней мере - таких приходов почти нет. И многие пастыри считают, что и в ближайшее время их не будет. Будут огромные храмы, которые невозможно содержать. Разобщенность людей, которые не ходят на службы и ни за что не отвечают. И жесткая епархиальная структура, которая не всегда совместима с живыми отношениями любви.

Проф. Яннарас: Именно по этой причине я говорю, что проблема нового обнаружения прихода - это проблема номер один сегодняшней церковной жизни. Если все мы поймем, что приход является центром и сущностью нашей церковной жизни, что-то начнет меняться. Но нужно, прежде всего, некое сознание, некая культивация этого понимания. Простите, это, может быть, немножко еретическая идея, но я боюсь, что в церкви это не для всех.

Кифа: Тогда как бы Вы определили, что такое приход? И различаете ли Вы приход и общину?

Проф. Яннарас: Реальность прихода - это евхаристическая община. Это определение прихода. Нельзя представить себе приход без евхаристической общины. То, что мы называем приходом, это есть община, в центре которой находится событие Евхаристии.

Кифа: Но это идеальная картина.

Проф. Яннарас: У нас в Греции есть приходы, в которых 90 тысяч прихожан. Но это не приход. Во время футбольного матча люди гораздо более едины, чем в таком приходе. На мой взгляд, это главная проблема. Мы не можем решить главные богословские проблемы, оставаясь подвешенными в воздухе.

Кифа: Я вспоминаю, что когда мы были в Греции, в некоторых храмах причащались только мы вештером. Приход как евхаристическая община - это идеал?

Проф. Яннарас: Это большая проблема. Сейчас в больших городах эта ситуация улучшилась.

Кифа: Не является ли сам принцип современного прихода, в котором нет евхаристической общины, порождением индивидуализма? И не ведет ли он к неизбежности индивидуализма, когда человек ни за что не отвечает?

Проф. Яннарас: В этом случае приход ничего не значит, это так.

Я могу быть немного провоцирующим? Я хочу вас спросить: вы задавались вопросом, почему Добротолубие стало таким модным теперь на Западе? Если вы читаете Добротолубие, то вы увидите, что церкви нет, она отсутствует. Если ум, согласно Добротолубию, сходит в сердце - все решено. Ничего больше не нужно - ни Церкви, ни евхаристии. Я не говорю о патристических текстах, которые глубоки и важны. Проблема - в выборе этих текстов. Выбор этих текстов не был сделан в церковном духе.

Кифа: Издатели Вашей книги «Истина и единство Церкви» спрашивают: не смягчилась ли за последние годы Ваша позиция по отношению к западным христианам? В книге она выражена очень жестко, так что переводчику сложно перевести.

Проф. Яннарас: Я несколько не изменил мнения о развитии церкви на Западе. Однако мне кажется большой проблемой и реальностью нашей православной церкви на Востоке. Извините, но я не могу понять то, что называется ортодоксизм и католицизм. Разница находится не на идеологическом уровне. Конечно, мы, православные, сохранили формулы церковной жизни наиболее правильными, чистыми. Да, формулы правильны, но реальность совершенно отлична от них. Меня пугает не человеческий грех - мы все грешники, меня пугает насилие над надеждой. Если мой епископ вор, это не так страшно, страшно, если он надругается над действием Святого Духа в церковной жизни. Это и есть то, что я называю насилием над надеждой.

Беседовали Александр Буров, Александра Колымагина. Синхронный перевод - свщч. Владимир Зелинский

Фото Александра Букова

Кифа: Какие проблемы Вы считаете сейчас самыми главными в современной церковной жизни?

Проф. Яннарас: Я не могу говорить о проблемах Церкви. Я могу говорить о наших проблемах, с которыми мы, члены Церкви, сталкиваемся каждый день. По моему мнению, главная проблема для нас и для вас - это проблема богословского языка. Я не представляю никакой церковной инстанции, а выражаю только свою личную точку зрения. Главная проблема заключается в том, что сейчас происходит идеологизация богословского языка и «религизация» церковного опыта, т.е. церковь рассматривает себя как религию.

Кифа: А какие положительные тенденции Вы считаете наиболее важными?

Проф. Яннарас: Наш полный провал. Никогда нельзя забывать слова апостола Павла, что «сила Божия в немощи совершается». Это другая логика, но это евангельская логика.

Кифа: Очень многие люди в теме эсхатологии видят не ожидание парусии, а страх перед апокалиптическими бедстви-

Ольга Седякова

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ПАНОВ. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА.

Фото с сайта <http://rus.1september.ru/2002/41/350x350.jpg>

Слава Богу, я успела его повидать. До этой, последней встречи мы не виделись несколько лет. Иногда, случайно, когда он ехал в библиотеку или из библиотеки.

У подъезда я спросила старушек, тот ли это дом и корпус.

- А, к Михаилу Викторовичу? Идите, идите, он с утра ждет. Просил конфеты купить, такая, говорит, у меня гостя будет!

Все эти коробки конфет — три, не меньше — он велел мне забрать с собой. У него всегда были сладости. Ничем другим он не угощал. Когда однажды мы пришли к нему в гости с Кривулиным, чьи стихи он очень ценил, и тот достал бутылку красного вина, Михаил Викторович обиженно сказал: «У меня не из чего это пить». Бутылка вернулась в портфель.

И дверь была, как всегда, незаперта. Книг стало еще больше. Жилые пространства были вырыты в этой горе книг, как пещеры: в одной пещере, под книгами и над книгами, он спал. Другая пещера — для стола со сладостями. Впрочем, с краев этого стола уже наступали книги, новейшие. Он был в пиджаке, свежайшей рубашке и галстуке. Как всегда.

Но вежливость его мне показалась какой-то другой: старинной. Как будто он вернулся к своему родному языку — языку старой московской интеллигенции. В Университете он говорил ближе к нашим привычкам. Никогда он не был консерватором. И не стал. Он уважал новизну.

— Если б я мог теперь пойти до храма, поставил бы свечку за того, кто изобрел эту чудесную забелку! Как удобно! Не стирать, не зачеркивать.

Мне всегда казалось, что его письма написаны разноцветными чернилами. Некоторые из них и в самом деле были такими. Но дело не в том: разный цвет был у его фраз, так что раскрашивать их было бы уже тавтологией. Разный цвет у его слов. Вот он рассказывает что-то забавное. Потом вдруг, совсем сникнув: «Да, какая беда, Оля, свет-то уже пошел на убыль!». Я готова была подумать, что он имеет в виду что-то всеобщее, символическое — но стоп: 5 июля! Уже вторую неделю, как световой день начал уменьшаться. Да, печальный поворот. В одном своем стихотворении он написал, что осенью,

В это время расставаний
Так нетрудно умирать.
Нужно только сани, сани
Быстрой сталью подковать,
Чтоб несли они с размаха
С этих берегов на те...

Он был совсем отрешен и в то же время совершенно вовлечен в каждый поворот разговора. Как всегда.

Чего «всегда» не было и, кажется, быть не могло: этих слов о храме и свечке. И иконок на столе. Бумажной иконки Богородицы ... кажется, Казанской. В свое время он говорил мне: «Вот одна моя ученица спросила меня: Вы крещеный?»

Я говорю: Да, родители крестили, а что? — Значит, можно за Вас молиться». И взглянув на меня с глубоким, глубоким горем и насмешкой, спросил: «Значит, такая у вас вера? только за своих можно?» Но и без этой истории церковное его совсем не привлекало.

Его не привлекала идеализация. Он ценил способность отвлекаться от идеализаций, предвзятых обобщений и принятых условностей — от любого фильтра, преобразующего непосредственный опыт. Способность забыть это все — и видеть и слышать то, что есть: слышать, как произносится, а не как пишется. Он был в восторге от моего рассказа о том, как я в детстве на месте ударного «о» писала «уо»: «Муожно?» «Уочинь!»: «Вы слышали дифтонгическую природу нашего «о»? Это возможно только до впадения в зависимость от письма, от орфографии!» Реальная акустика, реальная артикуляция, вот что он любил. Если же письмо — то там, где оно открывает свою орнаментальную природу. Не случайно он разрабатывал реформу русской орфографии, приближающую письмо к произношению (признаюсь, я рада, что ее не приняли в конце концов). И задавал нам задания на реальное слышание: в каких условиях «й» звучит ближе к «э краткому», а в каких — к «и краткому»? Неидеализированное представлялось ему богаче и интереснее всех наличных идеализаций. Все церковное представлялось ему областью застывших стилизаций.

Заметив, что я поглядываю на иконы, он рассказал о своем обращении. Оно поразительно. Ничего похожего я не слышала. В какой-то газете он прочел о случае на дороге: лосенок увяз в болоте и лосиха пошла к трассе, ища помощи и обращаясь, как могла, к людям. И кто-то ее понял, пошел за ней и спас лосенка.

— И я понял, Оля: это Она. Это Богородица. Это все есть. Верьте, верьте! — Он говорил со слезами.

Последние слова, какие я слышала от него в дверях:

— Я рад был бы говорить с Вами так без конца, но не смею Вас задерживать.

Впервые увидев его в Университете, когда он первый год читал общий курс русской фонетики (его приходу предшествовали слухи: гений у нас будет читать!), я подумала, что никогда не встречала таких отрешенных глаз. Он видел что-то еще кроме того, что всем нам было видно, — и это что-то было несомненно хорошим, долгим, бесконечно достойным внимания. Нет, не опустошенный взгляд визионера: взгляд ничем не прерываемой мысли. Такой взгляд часто изображал Рембрандт.

И спросить мне хотелось: что видишь? Скорее всего, ответ был бы нечего. У долгой мысли нет «что», нет фигур, нет предметов. Но человек, погруженный в такое зрение-собеседование, сразу же узнается как праведник.

— Правда, вокруг него сияние? видишь, мандорла? — спрашивала меня од-

нокурсница, которая уже знала, в отличие от меня, кто такой М.В.Панов (она-то и сообщила всем о гении). Не буду придумывать, никаких световых эффектов я не заметила — но что было точно: он входил в аудиторию в своем пространстве, как в каком-то коконе, и другие рядом с ним казались вдруг как бы раздетыми, без своего воздуха. Суеты в нем не было, и это было страннее всего. Все суетились, и это, видно, и разгоняло от них свой воздух, а он нет. Он был в себе.

Он шутил, выдумывал, озорничал на лекциях, даже пел, случалось, частушки, предупреждая, что будет фальшивить: он хотел показать нам фонетическую гениальность народа, которая проявлялась в этом последнем жанре устной поэзии.

У нас реЧка клюЧевая
Да и люди ниЧево
Коромысло ноЧевало
Не уЧалили ево.

Какое переживание звука Ч! И в паре с В! А из К, которого после «речки» не хватает в «людях» складывается «коромысло». Его анализы стихотворной формы всегда были блестящи, но это я узнала позже, на его семинаре по лингвопоэтике. И потом — на лекциях по русскому стиху.

Начиналось все с общей фонетики, с московской школы, с трудной для интеллектуально не тренированного слушателя идеи фонемы. Конечно, мы все были за московскую против ленинградской, у которой только эмпирика. А тут — скачок от физического звука к умопостижаемому.

Фонетика увлекала не только тем, что касалась самого незаметного для бытового или утилитарного отношения в языке, самого пренебрегаемого: его плоти — и обнаруживала сказочное богатство и тонкость различий в этой акустической и артикуляционной материи. Но — недаром из фонетики росли новейшие, «строгие» теории языкознания — она касалась плоти, которая состояла сплошь из сложно упорядоченных отношений. Из пучков оппозиций. В этом был восторг. Своего рода реабилитация вещества, которое нас сквозь умно, нас сквозь формально, лучше сказать, формно — а вовсе не та глухонемая аморфная «материя», про первичность которой нам талдычили на философской принудилровке. В этом случае, как потом во многих других, я поняла, что то, что называется «марксистским мировоззрением», есть по существу переведенный в «научные» термины образ мира, каким его воспринимает тяжелый и ленивый обыватель. Главное свойство этого персонажа: хорошего он не видит, ему нечего делать с хорошим. «На духе с самого начала лежит проклятие: быть облеченным в плоть языка», Маркс. Если и так, то почему это, собственно, проклятие? Но Михаил Викторович вовсе не полемизировал с марксизмом. Он говорил о фонеме. И это была поэзия, как у Данте: поэзия умственного восторга. Мы видели эти «атомы звуков» (Хлебников: «восходит звука атом»), с лучами разных признаков, с пересечениями и оппозициями, с удивительной красоты законами — и свободой.

Михаил Викторович любил формалистов, а структурную школу, тогда восходящую, считал их плохим продолжением. Структуры и уровни казались ему слишком жесткими и тусклыми, ему не доставало в них парадокса, игры. Ю.М. Лотман в поздних работах думал о внеструктурном начале, называя его «взрыв»: по Панову, живое строение, форма (языка ли, стиха, традиции) и состояла из взрывов. Не «норма» и «сдвиги» — а живой порядок скачков, взрывов, близость далековатостей. В нашу последнюю встречу он приглашал меня в Энциклопедию юного филолога — написать о Маяковском! Именно потому, что знал, как это мне далеко. В таких случаях и выскается искра, говорил он. А о Мандельштаме — ну, понятно, что Вы будете писать о Мандельштаме. Нет, Маяковский, обе-

шайте мне... Я уклончиво обещала подумать. Пожалуй, далековато для искры.

Не довольный ни «ритмом», ни «метром», он придумал «гнотр»: ритмоорганизующий принцип, который действует и в собственно ритмике, и в кругу образов поэта, и в его композиции. Он искал эти «гнотры» в русской поэзии от восемнадцатого века до своих современников — в том числе, непубликуемых тогда поэтов. Кто осмелился бы в те годы читать лекции об авторах, которых велено считать несуществующими — о Кривулине, Елене Шварц? Вопрос риторический.

Михаил Викторович был первым «взрослым» человеком, которому я решилась показать свои стихи. Второй курс, 1969 год. Я отдала машинописную тетрадку — и только потом испугалась и, завидя его издали, старалась не попасться на глаза. Однако однажды жизнь столкнула нас у лифта. И он, предупредив мой побег, подошел, протянул руку и сказал: «Поздравляю. Эта книжка — событие в русской поэзии». Это была для меня охранный грамота на многие годы.

Советские критики и поэты, да и филологи могли теперь говорить мне что угодно — и говорили, и теперь не перестали — но я уже могла про себя вспомнить: а Панов...

Он попытался мне помочь и таким образом: устроить мое чтение на факультете под прикрытием его доклада обо мне, так что то, что я потом прочла бы, было иллюстрацией к его тезисам. Просто чтение в то время было абсолютно немислимым: даже в стенной газете печатать стихи мои было нельзя. Предпринято это было для моих родителей: пусть увидят, что университетский профессор что-то находит в этой «зауми». Аудитория была полна и когда вошел мой отец в военной форме, народ перепугался: «они!» Теперь трудно объяснить, какой это был шаг со стороны Михаила Викторовича — и как таких шагов умели не прощать. Но в тот раз обошлось без последствий. Без позитивных, впрочем, тоже: мой отец продолжал считать, что я должна быть ученым и работать, как все. Когда меня поместили в психбольницу, Михаил Викторович пригласил моего отца, чтобы убедить его, что с людьми искусства нужно обращаться бережно и не удивляться их странностям. Как потом он рассказывал, он был удивлен, предполагая увидеть жестокое военного тирана — и встретив убитого горем человека, который не понимал, что происходит. В это же время Михаил Викторович напечатал мою курсовую работу (второго курса!) «Образ фонемы в «Слове о Эль» в академическом сборнике Института русского языка — вещь тоже немислимая в те годы. Вскоре сам он попал в тяжелую опалу и ничем уже помочь не мог...

Я не знаю, как Михаил Викторович описывал мой «гнотр» в позднейших лекциях, но в письме он написал так: «Ваше зрение устроено так — Вы берете ближний предмет и пересылаете его вдаль.» Так это или нет, не знаю, но образ пересыльного зрения прекрасный — и я несомненно любила бы поэта, который так делает. Может быть, Рильке такой. Он хочет показать вещи Ангелу, как об этом сказано в Дуинской элегии. Это и значит: переслать их в упоительную даль.

Если бы у моего зрения (иначе ума) в самом деле была такая сила — пересылать близкое в даль или догонять тех, кто сам в эту даль ушел, я, вместо того, чтобы писать эти заметки, послала бы Михаилу Викторовичу вещь за вещь: этот осенний холм в окне — помните, как это красиво? вот кот у печи, лежит, поет, — помните, Бодлер назвал это урчанье виолончелью? вот мелкие сиреневые астры у изгороди — я сама их сажала: Вам, мой учитель, мой читатель, мой защитник. Пусть они туда отправятся туда,

Где ни боли нет, ни страха — как у Вас сказано. Где, надеюсь, все смеют друг друга задерживать, как Ваша чудесная лосиха.

МЫ СЛЫШИМ СЛОВО НАСКОЛЬКО СПОСОБНЫ ОТВЕЧАТЬ ЕМУ...

Нарастающую глухоту последних лет, в которой тонуть голоса даже более знаменитых современников, Владимир Вениаминович Библихин (19 августа 1938 – 12 декабря 2004) прорезал тем, что умел принадлежать к вещам безусловно другого порядка. Представляемый широкой публике как переводчик и лишь во вторую очередь как «публицист и философ», Библихин был прежде всего философом в европейском смысле этого слова, не имеющим ничего общего с публицистикой. Древние и новые языки были тем, что делало его своим на Западе. Живший трудно, как это умеют делать только у нас, и имевший облик подвижника, Библихин выступая выглядел так, как будто знал секрет западного благополучия, умного устройства жизни. В наших просторах он демонстрировал то, что там составляет не предмет специальных усилий политтехнологов, а такой же факт, каким является факт существования государства – способность свободной мысли самой по себе образовывать социальную действительность. Он познакомил нас, с одной стороны, с продолжателями мысли Хайдеггера и его учениками Франсуа Фетье, Франсуа Везеном и Жаном Бофре¹, а с другой, заново открыл нам неожиданного в этом ряду Огюста Конта² – французов, чья культура через римлян сохранила греческий навык общего дела, философии, связанной с политикой и оттого дельной и практичной ровно настолько, насколько делом человека становятся лишь те вещи, в которых он участвует мыслью и словом.

Для Библихина всякий социальный и государственный институт был оправдан добросовестностью работающих в нем людей. Для него было характерно отношение к институту как к дому, где в своем дворе он самолично и как-то не оставляя себе права этого не делать каждый день собирал и выбрасывал мусор и, приходя к себе на работу в старый дом на Волхонке, в котором помещается Институт философии РАН, смотрел за обеспечением противопожарной безопасности.

Библихин сотрудничал в Московском университете четырнадцать лет, с 1989 по 2003, десять из которых прослужил ему безвозмездно, ради любимого дела. Он пришел на новую кафедру истории и теории мировой культуры по приглашению Вячеслава Всеволодовича Иванова как филолог, с профессионально близкой к себе еще с молодости темой «внутренней формы слова», как ее видели В. Гумбольдт, А. Потебня, П. Флоренский и Г. Шпет³. Тема продолжала его кандидатскую диссертацию «Семантические потенции языкового знака» (1977) и постепенно выводила на проблему онтологического статуса значения слова, обсуждавшуюся двумя главными философами 20 века – Хайдеггером и Людвигом Витгенштейном. Витгенштейн и Хайдеггер составляли постоянный фон его мысли и сопровождали ее до конца. Уже первые два лекционных курса 1990–92 гг., «Ранний Хайдеггер» и второй, по книге Василия Розанова «О понимании» с параллельным чтением Парменида и Владимира Соловьева, принесли Библихину славу далеко за пределами университета.⁴ Его приходили слушать самые разные люди.

Лекции Библихина были явлением неизмеримо более широким, чем можно сказать в самой общей характеристике, потому что в них по-другому начинало смотреться всё. По свидетельству современников, таким незабываемым праздником были публичные чтения Иоганна Готлиба Фихте, в которых он закрепил первые успехи молодой немецкой философии, восставшей от «догматического сна». Взгляд, посвежевший от сна, получал новые перспективы, захватывающее чувство новизны передавалось слушателям. Что бы ни было предметом Библихина – вид из окна на Ленинские горы или представитель власти, большой философ или церковное устройство, религиозный мыслитель или знаток космоса – всё расширялось у него до человека как он есть, то есть каким видит его Бог и делает природу. Сферой родового понятия, разрушавшего противоположность между ведущим и ведомыми, автором и читателями, человеком и миром, сидящий напротив захватывался раньше, чем успевал это осознать. Просторность такого понятия быстро сделалась для него необходимой, как воздух.

Философский факультет ошеломляла неожиданность и непривычность его сопоставлений. В них находили общий язык самые непримиримые противники, бесильно разведенные учебниками по разным углам. Переводчик по образованию, знающий цену публичному, выпущенному на волю слову, Библихин умел с самого начала перевести внимание с полемики запала оппонентов на неопровержимую очевидность самого предмета спора. Он терял кажущуюся зависимость от точки зрения говорящего. Острота столкновения начинала служить общему делу мысли, концептуальные различия отходили в разряд секретов философского мастерства, а не само собой разумеющихся констатаций из истории философии. В его рассуждении всегда просвечивала главная составляющая нашей науки: единственным собственным предметом мысли является свобода, или сама мысль – то Парменидово единое, на которое нацеливается каждый философ и которое в его споре с другим никогда не будет сведено к какой бы то ни было одной «точке зрения», сохранив спонтанную цельность одного. Библихин любил вспо-

минать самые известные и острые историко-философские возражения – например Гегеля Канту в первом томе «Науки логики» «о «понятии» ста талеров», то есть о том, что философское понятие – мысль, которая определяет всё, – не может зависеть от определенности денежной суммы; или Сенеки Аристотелю в Письме 65 к Луцилию о том, что вещь природы, или опять-таки целого, необходимо видеть минуя сетку категорий в виде четырех причин; или Витгенштейна Хайдеггеру в разговоре с Морицом Шликом по поводу оборота «...всё сущее – и кроме того ничто», его удивление, неужели же в мире есть что-нибудь, могущее составить собой безусловно всё, если перечисление всех

О.А. Седякова на литии, отслуженной в Свято-Филаретовском институте в годовщину смерти В.В. Библихина

вещей заведомо невозможно. Нервная озабоченность, кто же тут прав, разрывалась цитатой в духе Венечерофеевской «Ленинаны»: «Когда два идеалиста спорят – выигрывает материализм!», и этого было достаточно, чтобы исчерпать вопрос.

Мысль Библихина не создавала себе препятствий в виде предпочтений того или иного имени, той или иной школы. Исходной для него была свободная данность вещи, открытой для разборов и различений. И если школу, в которой была выработана эта открытость, называть все же следует, то это была, пожалуй, общая, вобравшая в себя языкознание 19-начала 20 вв. и феноменологию установка, согласно которой единственной опорой мысли является язык. Мысль любой глубины встречается со словом, находит в нем отклик. Но таков весь человек: думая, что он имеет дело с вещью, он всегда имеет дело со знаком – тем, что «подразумевается» и для чего единственным, в буквальном смысле, определением, то есть схватывающим жестом понимания, будет слово, имя. Библихин выразит это так: «...само указывание окна на око [по А. Потебне, слово показывает свою внутреннюю форму, как 'око' в 'окне' – Д.Л.] и есть существо слова... Слово служит для отвода глаз от себя к вещам. Там, куда мы смотрим по указке слова, слова уже нет... Здесь обозначается другой, трудный подход к языку, не хоженый современной лингвистикой. На том пути мы должны будем сначала спросить, что такое с-казывание, указывание. В каком свете оно возможно, откуда происходит свет. Откуда берется то, что придает смысл указыванию, без чего указывание не имело бы смысла: выбор направления...»⁵ Поведение слова намекает, среди прочего, и на то, что такое свобода; она ближайшим к нам образом действует в том числе и в определениях, в которых вещи показывают нам свое лицо во сне и наяву и через которые слово загадочным способом дает состояться нашей мысли и намерению. Библихин учил нас не требовать от мысли большей определенности, чем та, что заранее предусмотрена ее грамматической формой. Этот подход он распространял на философские тексты, цитируя их чаще на языке оригинала и затем в своем, прозрачно поданном переводе. Обычные семинарские «пересказы мысли философа» оставались за гранью допустимого. Перевод (толкование) должны были передать мысль как цепкость схватывания; широта словесных значений – ее безграничность; завершенность словесной формы – точность попадания в предмет. Действовало правило: «Надо всегда продолжать мысль» – от толкования, считал Библихин, мысли будет только лучше, подразумеваемая, конечно, не вольную трактовку прочитанного, а

наоборот требование дать мысли возможность развернуться в слове. Неточности и ошибки исправлялись сразу; листая свои старые записи (курс «Собственность», 1993), нахожу исправление в переводе фразы из «Философии права» Гегеля: «Idealismus... die Dinge nicht, wie sie sind, für an und für sich halt.» В советском издании 1990 года (М.: Мысль, с. 104) предлагается такой: «Свободная воля есть... идеализм, не рассматривающий вещи такими, каковы они в себе и для себя...» Перевод неверен, говорит Библихин. Гегелевский идеализм, в отличие от кантовского, наоборот, только то и делает, что «рассматривает» вещи «в себе». У Гегеля сказано, дословно: «Идеализм не держит (не считает) вещи как они есть за такие, которые в своем и для себя.» Вещи, как они есть, т.е. как они даны в восприятии, говорит он, еще не в себе. Фраза, конечно, нелегка для прочтения. Гегель не редактирует себя. Но это не значит, замечает Библихин, что переводчик имеет право отредактировать его так, чтобы он стал соответствовать расхожему представлению о нем.

Сказанное задевало своей бесспорностью, но легко от этого становилось почему-то не всем. Слушатель, осененный открытием, что большинство наших советских переводов философских текстов, и прежде всего Гегеля, не имеет ни малейшего отношения к философской мысли, впадал в тоску от масштаба неразобраных завалов. Привычка перестроечной поры получать новое в готовом виде рождала ощущение, что студента оставляют с пустыми руками. Возвращение к привычному взгляду на себя приносило неожиданные результаты: в ком-то обнаруживалась мучительная немота, в ком-то оживала нервная агрессивность. Эмоции и оценки начинали действовать раньше, чем благодарности за труд. Мы слышим слово, насколько способны отвечать ему, говорил Библихин, но неумение ответить ожесточало и закрывало слух. Скажем прямо: факультет, едва справлявшийся с переменами, принесенными перестроечной порой, не был готов услышать Библихина. Но, к счастью для себя и к чести Московского университета, он не мог с ним и расстаться. В 1993 году Библихин ушел с кафедры ИТМК, добровольно взяв на себя обязанность продолжать вести занятия с небольшой группой слушателей.

Школу философии Библихин проходил у А.Ф. Лосева⁶, в противоположной себе стихии. Каким был Лосев? «Велик ли его набор идей? есть ли он вообще? Есть инструмент, который высекает искры, встречаясь с чем бы то ни было. Какие искры это будут, ему может быть даже неважно. Нет системы. Есть какой-то внутренний кремень.»⁷ Лосев знал греческую философию как самого себя, и другому сообщалась проблескивающая в нем чистая суть философии, понимаемая греками как равная миру мысль. Они знали, что она бывает и другой, густо-водной, как всеохватный первобытный океан Фалеса или «медуза Розанов»⁸, один из любимых авторов Библихина, очень напоминавший своим подходом его самого. Мысль Лосева, по ощущению людей, выросших в советское время, была оправдана уже просто тем, что жила. Но могла ли она быть другой в стране, ставшей системой застывшей мысли? Конечно, чтобы оставаться самой собой, ей нужно было любой ценой не становиться системой, содержанием, тюрьмой из различных форм несвободы, начиная с обязательной критики идеализма и заканчивая новыми, светскими формами церковной идеологии. Но в Библихине этого не было настолько органично, что оказалось естественным и как бы даже само собой разумеющимся, что в 60-е годы его одного из первых здесь затронул новое течение структурализма, а потом и постструктурализма, плывущего на Делезовской волне-«складке», которая без ненужных глубинных сопоставлений делает близкими самые далекие друг от друга вещи.

Если Лосев, воспитанный в традициях имяславия, работал исключительно с текстами античной и христианской классики, то Библихин любил переводческую работу как таковую и переводил всех⁹. Судя по подаренным мне на память старым, еще 70-х годов, под грифом «Для служебного пользования» номерным ИНИОНовским сборникам, поначалу это был тяжелый труд робкого и скованного новичка. Но гениальный переводчик – *contradictio in adjecto*; идеал Библихина дети из двухязычных семей не переводят в строгом смысле слова, а, как элементарная частица, сразу оказываются в нужной ситуации, незаметно созданной языком. Для успеха переводчика нужна не столько одаренность, сколько желание чуть ли не из строя дурных привычек. Несколько раз оно срабатывало в Владимире Вениаминовиче на моих глазах почти рефлексивно: какая-нибудь надпись на майке вроде «Take it easy, but take it!» мгновенно шла в ход, превращаясь в философский призыв: «Отнеситесь к этому легкомысленно, но все же как-нибудь отнеситесь!» Эта одержимость, как он сам объяснял, шла от характера, «от угодливости» и природного практицизма.

В своем движении к оригиналу он не столько «переводил», сколько старался перенять сказанное в нем, его внутреннее ядро, подобно автору, стремясь выявить вещи как мы их переживаем, а не как мы о них

говорим. Выражающий бытийные смыслы, философский запас русского языка оставался для него пока еще делом будущего, но задача — «громкая задача философского обживания русского языка»¹⁰ — была обозначена уже в ранних переводах. Обживаться в языке значило искать подходящие варианты, непрестанно обновлять найденные и всегда оставлять запасные (см. его комментарии к переводам Хайдеггера). На этом неизведанном поле его переводческая свобода не знала границ, как, например, тогда, когда он вместе с Жаком Деррида слышал и вызывающе переводил, вернее раскрывал в хайдеггеровской 'Dichtung' ('поэзия') родственную ей 'Дикцию'¹¹ (содержащую в себе произнесение, выговор, совершаемое речью выведение подразумеваемого в словесно-осмысленное, которое выражает, по Хайдеггеру, суть языка; здесь же вспоминалось древнее представление, что поэт пишет как бы под диктовку, едва успевая записывать то, что ему открывается), в данном случае поработав больше, чем автор французского текста, оставивший слово без перевода. Другой пример — хорошо известное «присутствие» (Dasein) — определение человеческого бытия у Хайдеггера и Божественного у Гегеля (Gottes Dasein), также не всегда переводимое в других языках. Иногда Библихин приглашал нас пойти за словом туда, где переводчика, казалось бы, и не ждали. Продолжая интенции английского перевода первого предложения «Логико-философского трактата» Витгенштейна, в оригинале звучащего как «Die Welt ist alles, was der Fall ist» («Мир есть все то, что имеет место»), Библихин ставил немецкое Fall в один ряд с английским case и, далее, с латинским casus, от cadere 'падать', 'выпадать' (как при игре в кости). Дело было не в простом переборе значений. В переводе Библихина напоминала о себе не только история слова, но и история догадки, от Гераклита до Нильса Бора и Гейзенберга, о Божественной игре в мир, о которой наверняка догадывался и Витгенштейн, когда начинал свой трактат с фразы: «Мир существует как попало». Три афоризма Библихина, как памятник несогласию с уровнем переводческих представлений, до сих пор висят у меня на видном месте: 1) «Мыслитель себя не редактирует», 2) «Надо всегда продолжать мысль» и «утешительный» 3) «Читатель обязан поработать».

Наше присутствие определяется языком. Но кто (или что) определяется словом Я? Замечательный русист Вардан Айрапетян, друг и многолетний редактор Библихина, автор Толкования на «Анекдот про десятых людей»¹² (про тех, кто, взявшись подсчитать других, себя не посчитали), подметил, что всякий Я знает себя в конечном счете единственным, каждый сам себе другом, и вовсе не тогда когда сам себе враг, а именно поскольку остается себе другом. О разнообразном и неотступном вторжении другого в нашу мысль и речь дает о себе знать для Айрапетяна первичная прадревняя написанная вселенская религия, которую по-своему развертывают учрежденные церкви. Но не есть ли уже наш язык такое вторжение, спрашивал у Айрапетяна Библихин.

«Кажется, что он просто дал обет никогда не произнести ... применяемого слова. Еще не отыскано самое приблизительное определение для его мысли. Что это: русская феноменология? Сам он в разговорах порой давал понять, что относит свои занятия к богословию: но к богословию в том смысле, в каком об этом говорят, рассуждая о Хайдеггере. К богословию в античном смысле, к богословию Начала, о котором еще ничего не решено. К нынешнему моменту мы совсем не готовы обсуждать это»¹³, — писала о Библихине Ольга Александровна Седакова. Но если попробовать развить интенции Библихина начиная с курсов «Лес» и «Правда», то нужно будет вспомнить его мысль о том, что русская феноменология родилась из зрительных установок Льва Толстого, которые постепенно и последовательно вели его к одной цели — «проявлению в себе Бога». Феноменологический морализм Толстого, русская теология смерти Бога требовала от человека, чтобы он заступал на Его место, радикально меняя привычки своего восприятия и высвобождая в своем уме место для эйдетической полноты вещей. Про такое зрение говорят, что им в своих романах глядит на мир Лев Толстой. В многолетней профессиональной привычке Библихина смотреть пристальней, чем другие, рано обнаружилось близкое родство к этой школе изменения зрения. В ее русле, собственно говоря, развивалась вся писательская работа Библихина, нацеленная на то, чтобы ничего не упустить из опыта смотрящего и в этом приближенная к жизни так, как к ней почти никто из русских философов не приближался.

Устремляясь «к самим вещам», Толстой особенно ценил свежесть восприятия, даваемую каждым новым днем, к началу которого нужно успевать поэтом как можно раньше. Чаще бывало наоборот: «Встал я поздно с тем неприятным чувством при пробуждении, которое всегда действует на меня: я дурно сделал, проспал. Я, когда просыпаюсь, испытываю то что трусливая собака перед хозяином, когда виновата. Потом подумал я о том, как свежи моральные силы человека при пробуждении, и почему вот не могу я удержать их всегда в таком положении. Всегда буду говорить, что сознание есть величайшее моральное зло, которое только может постигнуть человека»¹⁴. Под «сознанием» здесь подразумевается не только «тяжесть содеянного», из-за которой слабеют моральные силы человека. Сознание есть то, что направляет его внимание на вещи и овеществляет для него в том числе и его состояние,

переводя «хорошо» и «плохо» в категории морального выбора. Но заключенная в человеке нравственность уже успела подействовать в нем раньше сознания; моральные силы пробудили в нем реакцию прежде, чем он проснулся для осознанного выбора между добром и злом. Мир с самого начала дан человеку в форме добра и зла. Библихин читал дневники Толстого и через них предлагал читать его художественные и публицистические сочинения в свете зафиксированного в них первого слоя этой данности, то есть самых непосредственных откликов, включая настроение, то есть абсолютно непредсказуемое и неподконтрольное человеку событие мира, с которого только и может для него начаться этическое, религиозное и мистическое.

В своей исконной интуиции Библихин, как обычно, не боялся ставить рядом с Толстым философов, лично ему противоположных. Как моралист, Толстой апеллирует к разумности человека, понимая под ней, впрочем, непрерывно совершающуюся в нас феноменологию, работу восприятия, по своей безусловной обязательности далеко перевешивающую умение оперировать готовыми идеями. Любое предписывающее, не важное, философское или теологическое, определение человека для Толстого не имело смысла. Въезжая в плоть людей девятнадцатого века, эта абстракция должна была постоянно разрушаться под взглядом, который вырабатывал он в своем дневнике. Выведенное из поля зрения и участия человека выведено и из поля религии. На бездонном основании солипсизма сютяевского *Всё в тебе* он строил свою религию. Но о необходимости и непрерывности такой же феноменологии, включенной в традиционную дефиницию человека 'sapiens', напоминает в своих лекциях по философии религии и Гегель, строго-понятийный философ, который безо всякого бунта против традиции спокойно констатирует, возвращая человека к его родовому понятию, что «лишь мыслящее может обладать религией». В том же ряду Библихин называл русского гегельянца Василия Розанова в захватившем его понимании, «не имеющем отношения ни к людям, ни к жизни их»¹⁵, о котором, другими словами, говорил в своем споре с Кантом «о ста талерах» Гегель.

Мысль, каменная задумчивость, религиозная собранность это способы, каким открывает Себя человеку Бог. Ставка этих трех мыслителей была очень велика. С Богом граничит у них мысль-свобода, родовое, семейное розановское свое. Но Библихин знал, что уже только для того чтобы решиться признать это, нужно усилие, практическое, сродни религиозному. «Религия, конечно, знает о неприступности божества. Она, однако, вступает в общение с ним путями, открытыми ей. Жрец в древнем Риме назывался понтифексом, «строителем мостов». Так продолжает именоваться и верховный первосвященник Римско-католической церкви. Высшее в религии остается недостижимым. Христос не мог родиться — и родился; не мог воскреснуть — и воскрес. Такое рождение и такое Воскресение — не из вещей, которые мы поймем, постаравшись. Но через бездну проводит чудо»¹⁶. Одним из таких чудес является, по Толстому, переменчивость нашего взгляда и непредвиденность Откровения.

Любимыми словами Библихина были захваченность и открытость. Он не боялся хаоса в себе. Глубоко церковный человек, он не боялся бесов из «глубин сознания» и не прятался от мира за культурными формами прошлого. Совсем не отрешенный, а наоборот открытый к первому встречному на грани полной беззащитности перед ним, он жил в глубоком доверии к мысли, зная, что она — всегда соберет и вывезет. Дисциплина входила в его существо с естественностью церковного поста, напоминающего человеку о природно необходимом ему количестве еды. Полагаясь на природу, он не старался выгадать себе место в ее хаосе, а был готов скорей провалиться в него, находя в нем тайный замысел Бога, который, по Платону, управляет всем¹⁷ и отсвечивает в вещах, в каше в голове, сновидениях, стихах, детском лепете. У него осталась большая семья, о которой он при жизни неустанно хлопотал, для которой разводил хозяйство, чинил машину, строил дачу, убирался во дворе, держа все на себе так, как на человеке все и держится, когда он есть.

1 См. в переводе и с послесловием В.В. Библихина: Франсуа Везен. Философия французская и философия немецкая. Франсуа Фельдье. Воображаемое. Власть. М.: УРСС, 2002; М. Хайдеггер. Семинар в Ле Туре // Вопросы философии 1993 № 10.

2 См., напр.: В. Библихин. Церковь и власть // Точки 2004 № 3-4.

3 Отрывок см. в: Новое литературное обозрение 1996 № 14. См. также: В.В. Библихин. Язык философии. М.: Прогресс, 1993.

4 Между 1989 и 2003 гг. Библихин подготовил и прочитал более пятнадцати различных курсов. Среди них: «Узнай себя» (1989-90; см.: В.В. Библихин. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998), «Чтение философии» (1991-92; отрывок в: Другое начало. СПб.: Наука, 2003), «Лейбниц. Всеобщая наука» (1992-93), «Новое русское слово (О.А. Седакова, С.С. Аверинцев)» (1992); «Мир» (1989, 1993; см.: В.В. Библихин. Мир. Томск: Водолей, 1995), «Лицо Средневековья» (1992-93), «Ренессанс» (1992-93; см.: В.В. Библихин. Новый Ренессанс. М.: МАИК «Наука», «Прогресс-традиция», 1998, премия «Малый Буккер» за 1999), «Собственность» (1993; отрывок в: В.В. Библихин. Свобода собственности // Путь 1995 № 7; Другое начало...), «Энергия» (1994), «Витгенштейн» (1994-95, 2002-03; см.: В.В. Библихин. Витгенштейн: смена аспекта. М.: ИФТИ св.

Фомы, 2005), «Пора (время-бытие)» (1995-96; отрывок в: Точки 2002 № 3-4), «Начала христианства» (1997-98), «Лес» (1998-99; итог обоих курсов в: Историко-философский ежегодник'99. М.: Наука, 2001; см. также: Ё: Сборник статей. М.: Российский институт культурологии, 2002), «Правда» (1998-2000; см. отрывок в: Историко-философский ежегодник'99), «Дневники Толстого» (2000-01), «Философия права» (2001-02; отрывок в: Точки 2004 № 3-4; Другое начало...). Последним, заявленным на осень 2003 года, должен был стать курс «Хайдеггер».

5 В. Библихин. В поисках сути слова. Внутренняя форма у А. А. Потемби // Новое литературное обозрение 1996 № 14, с. 23. Сокращенный вариант в: В.В. Библихин. Сло-

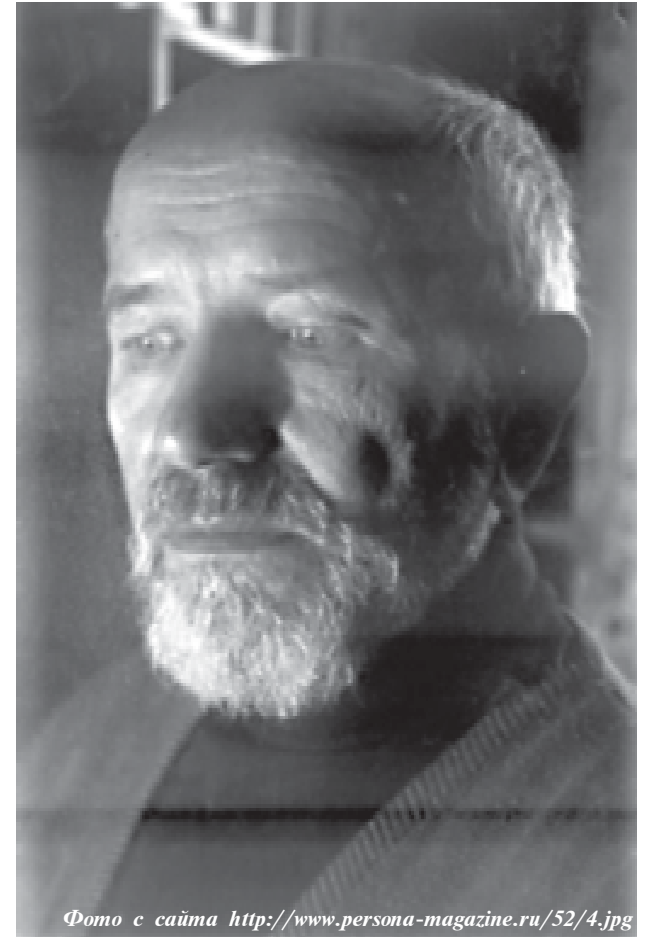

Фото с сайта <http://www.persona-magazine.ru/52/4.jpg>

во и событие. М.: УРСС, 2001.

6 «В 1970 году, не сумев работать ни в Главлите, куда меня распределили после института, ни в МИМО, ни в издательстве «Мысль», я до 17.7.1972 года, когда был принят в сектор информации Института философии АН СССР, имел основным местом работы тихий кабинет Лосева.» (Там же, с. 11).

7 Там же, с. 19.

8 Известное определение о. Павла Флоренского, в разговоре с Лосевым.

9 Полный перечень переведенного им занял бы несколько страниц. Из книг укажем, кроме вышеупомянутой книги Ф. Фельдье, Ф. Везена, переводы с французского: Ж. Деррида. Позиции (Киев: Д.Л., 1996); с немецкого: М. Хайдеггер. Время и бытие (М.: Республика, 1993); М. Хайдеггер. Бытие и время (М.: Ad marginem, 1997); с немецкого и английского: Х. Арндт. Vita activa, или О деятельной жизни (СПб.: Алестейя, 2000); с древнегреческого: Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих (М.: Канон, 1995); Святой Дионисий Арсепит. О таинственном богословии (Историко-философский ежегодник'90. М.: Наука, 1991); с латинского — большинство трактатов Николая Кузанского, вошедших в «Сочинения в 2 тт.» (М.: Мысль, 1977); с итальянского: Ф. Петрарка. Письма (СПб.: Наука, 2004). Укажем также переводы с испанского: Ф. Гарсия Лорка. Колыбельные песни (Избранные произведения в двух томах, т. 1. М.: Художественная литература, 1976), Х. Ортега-и-Гассет. Тема нашего времени (Самосознание европейской культуры XX века. М.: изд-во политической литературы, 1991). Назовем также, для полноты представления, перевод работы лауреата Нобелевской премии В. Гейзенберга «Часть и целое» (В. Гейзенберг. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989).

10 Дело Хайдеггера // М. Хайдеггер. Время и бытие..., с. 14.

11 См.: Ж. Деррида. Позиции..., с. 22.

12 См.: В. Айрапетян. Толкуя слово. М.: Языки славянской культуры, 2001, сс. 35-68. См. также: Вардан Айрапетян. Герменевтические подступы к русскому слову // Слово и бытие...

13 О. Седакова. На очной ставке с собой и миром // Русский журнал 18.12.2004.

14 Лев Толстой, Дневник, запись 4 июля 1851. Здесь и далее — ссылки на курс «Дневники Толстого».

15 В. Розанов. О понимании. М.: Таина, 1996, с. 639. «Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим, и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и все, что становится между мною и между Творцом моим, восстает против меня и против Творца моего.»

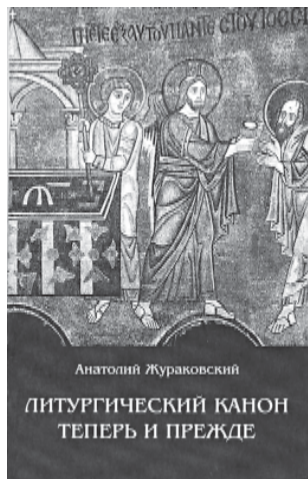
16 В.В. Библихин. Философия и религия // Вопросы философии 1992 № 7, с. 38.

17 Законы IV 709b.

Дарья Лунгина

ДУМАТЬ О ЕВХАРИСТИИ ЗНАЧИТ ДУМАТЬ О ЦЕРКВИ

Ранние христиане: Тело Его на престоле, потому что Он среди них. Теперешние христиане: Христос тут, потому что Тело Его на престоле... Там все от знания Христа, от любви к Нему. Здесь — от желания «освятиться».
Из дневников протопресв. Александра Шмемана

Среди изданий нынешнего года, особенно таких грандиозных, как дневники протопр. Александра Шмемана, эта скромная на вид брошюра — первый опыт книгоиздания московского Братства во имя новомучеников и исповедников российских — может остаться незамеченной. Этого очень бы не хотелось — уже хотя бы потому, что книга имеет самое прямое отношение к традиции русского богословия, напитавшей и то «литургическое воз-

рождение» в русской эмиграции, лидером которого по праву считается сам о. Александр. Не случайно так легко ложится сюда эпиграф из его упомянутых дневников.

«Литургический канон теперь и прежде» — работа А.Е. Жураковского (1897-1939), впервые опубликованная в 1917 году в журнале «Христианская мысль». Она вводит читателя в атмосферу духовных поисков начала XX века в Русской православной церкви — ту, в которой стал возможным Поместный Собор 1917-1918 года. Но это и встреча с личностью самого автора, будущего пресвитера, устроителя православной общины в Киеве 20-х годов и новомученика, погибшего за Христову веру в лагере. 20-летнему автору дано было проникнуть в самую суть содержания Евхаристии и ее сердцевину — евхаристического канона, анафоры. Его размышления о литургии, являющейся для автора раскрытием смысла Евангелия, есть, по сути, размышления о сущности Церкви и христианской жизни.

Темой этой пронизанной жаждой возврата к евангельским истокам христианства работы являются исторические изменения, которые претерпел православный евхаристический канон за века своего существования. По мысли А. Жураковского, таинство Евхаристии является реализацией содержания прощальной беседы Иисуса с учениками в Евангелии от Иоанна, раскрытием через внутреннее самособирание Церкви темы любви в этой беседе, «новой заповеди», данной в ней Спасителем.

Этому, по убеждению автора, по своему содержанию соответствовали литургические молитвы первых веков и во многом не соответствует имеющийся литургический чин, становившийся, по мере того, как начало любви тускло в самом христианстве и стиралась черта, отделяющая христиан от мира, все более «ослабленным в своей внутренней силе». За века в нем, в соответствии с изменениями в самом церковном сознании, сместились акценты: если «литургический канон теперь» А. Жураковский характеризует как «кристаллизацию догматического сознания Церкви», «живой памятник о той победе, которую Церковь когда-то одержала над ересью», то «литургический канон прежде» — как плод «охваченной молитвенным трепетом только что узревшей Христа церковной души», выражение основной веры христианства: «Слово стало плотью».

Автор приводит много примеров явления «внутренней силы» в древних молитвах и выявляет отражение различных грехов исторического православия в текстах чинов литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого. Знакомый с наследием христианской

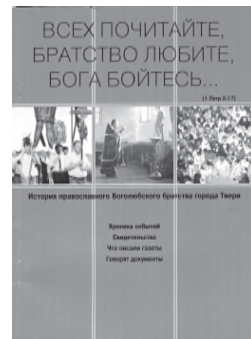
мысли XX века читатель, быть может, найдет для себя в этой критике не слишком много нового, но нельзя не изумиться той концентрации предвосхищения последующих интуиций и идей, которая является отличительной чертой этой работы, делающей ее по-настоящему пророческой.

При переходе к теме практических задач автор, исходя из своего определения Евхаристии как полноты, исполнения Церкви, пишет о богослужбном вопросе как об определяющем для решения всех остальных вопросов церковной реформы. Выход он видит в литургическом творчестве, дерзновенно призывая покончить с «омертвлением литургии», с начавшейся с XIV в. ее замкнутостью в неподвижных формах: «Мы по-новому должны пережить таинство Евхаристии, и потому наш канон должен зазвучать, обогатиться новыми песнопениями и молитвами». Однако, провозглашая центральным евхаристический принцип, А. Жураковский одновременно не может не видеть, что возродиться литургическая жизнь и молитвотворчество могут не от самих по себе реформ, а лишь при активном участии всех верных, и лишь «наряду с возрождением любовного единомыслия во всех частях распавшегося церковного организма», что «только религиозное, мистическое объединение душ и сердец не только в сфере внешних отношений, но в самых глубинах чувства и воли будет началом нашего возрождения». А видение автором той линии, по которой могло бы пойти это объединение, и соотносимость этого видения с широко обсуждавшимся тогда вопросом возрождения прихода представляется столь смелым и перекликающимся с иными из нынешних чаяний, что не будем его здесь предвосхищать — пусть читатель узнает о нем непосредственно из книги.

Есть, правда, у размышлений А. Жураковского особенность, пожалуй, способная сделать их чтение местами нелегким для тех из современных читателей, кто подвержен стойкой аллергии на всяческие как теперь сказали бы «межконфессиональные разборки»: как и в случае Хомякова (наследником идей которого, несомненно, в заметной степени является и сам Жураковский), это касается отношения к традиции христианского Запада. Автор, вскрывая недостатки православного литургического канона в современном ему (и нам!) виде и, в связи с этим критикуя само вызвавшее эти недостатки историческое православие, систематически подчеркивает неизменность и лишь помутнение в православии его мистического идеала и потенций, столь же систематически отказывая в этом католичеству. Латинство для него — «опустошено в своем внутреннем существе», Православие — «лишь не проявлено». Кто-то огорчится: опять «сравнение реального католичества с идеальным православием»? Не будем спотыкаться в этом месте, ибо легко нам декларировать себя врагами изоляционизма теперь, когда больше нет изоляции. В данном случае, как и у Хомякова, куда важнее остановиться в восхищении перед самим идеалом, чем сокрушаться по поводу «неполиткорректного» способа его выражения, впад в анахронизм. Не винить же Жураковского в том, что реальный Восток и реальный Запад тогда еще действительно чаще всего не знали друг друга иначе, как через взаимную полемику. Конечно, в недрах западного христианства уже происходили свои процессы, зрело свое литургическое возрождение, но встреча и взаимное узнавание, состоявшиеся на фоне последующих исторических трагедий, были еще впереди.

Дмитрий Матвеев

БРАТСТВО ЛЮБИТЕ...

Разные исторические эпохи порождают разные, иногда диаметрально противоположные проблемы. Говоря о первых веках жизни Церкви, исследователи не могут не сетовать на трагическое отсутствие исчерпывающих источников, на необходимость восстанавливать картину жизни первых христиан из разрозненных кусочков, как почти утраченную мозаику. Тому же, кто возьмется исследовать наше время, почти невозможно будет сориентироваться среди вала разнородной информации, часто ничего не говорящей по существу, иногда абстрактной, иногда недостоверной и очень часто официозно-неживой. Очень редко люди берут на себя труд собрать живые и подлинные свидетельства о том, что происходит вокруг них.

Поэтому появление таких сборников как вышедшая недавно книжка «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь... История православного Боголюбского братства города Твери» (составители: В.И. Лавренов, В.А. Ларионов, В.Н. Рыжиков) не может не обнадеживать. В сборник вошли личные свидетельства, воспоминания, дневниковые записи, документы братства с 1990-го по 2005 г.

Заинтересованный читатель может проследить буквально шаг за шагом, как делали свои первые шаги в церковной ограде новообращенные, как искали путь сознательного и ответственного вхождения в Церковь, как ищущие научения тверичи организовали в городе группы катехизации. Очень скоро для многих из них начального богословского образования оказалось недостаточно, и зашла речь о поступлении в богословский институт...

На первых порах епископ Тверской и Кашинский Виктор был вполне благосклонен к «кочетковцам». «Хочу видеть вас нашими сотрудниками в делах катехизации, просвещения и духовного образования», — писал в 1994 г. Марии Лавреновой правящий архиерей. Но когда в стране задули иные ветра, фундаменталисты стал диктовать свою волю священноначалию. И в Твери началась «охота на волков». «Кочетковцев» увольняли с работы из церковных учреждений, их отказывались причащать, на них навешивали всяческие ярлыки: «сектанты», «неообновленцы», «раскольники» и т.п. Доходило до абсурда — до отказа в елеопомазании на утрне их маленьким детям.

За прошедшие десять лет никаких мирянских альтернатив Боголюбскому братству в Тверской епархии не возникло. Одно это обстоятельство свидетельствует о многом. Да и само братство конкретными делами, своей верностью Церкви доказало, что оно вовсе не то, что про него говорят недоброжелатели. Размышляя о причине многолетних гонений, братчики вспоминают об архимандрите Антонине (Капустине) — человеке евангельского духа, начальнике русской миссии в Иерусалиме в XIX в. У него не было врагов, но что бы он ни делал по Евангелию, все уходило «в вату». Он долго не мог понять, кто с ним борется и за что. Когда о. Антонин задумался об этом, один опытный государственный чиновник ему сказал прямо: «У вас нет конкретного врага, но против вас система». Система — это некий тайный двойник Церкви, который на дух не переносит евангельский дух. Для этого двойника двусмысленность, бессмысленность и невежество — лучшая среда обитания.

Можно ли победить вокруг себя и прежде всего в себе самих мертвящий и расслабляющий дух, противостоящий евангельскому духу любви и свободы? Из истории Церкви известно, что многие замечательные люди опускали руки, считая, что давящее на нас количество исторических ошибок и грехов уже не сможет быть преодолено. И все же, когда читаешь сборник, полный подлинных слов — иногда наивных, иногда почти детских слов тех людей, которые остались вместе несмотря ни на что, испытываешь невольную надежду на то, что и сегодня сила Божия совершится в нашей немощи, если только мы останемся верны и Ему, и друг другу.

Александра и Борис Колымагины

Редакция приносит извинения читателям за опечатку в первой фразе статьи «Жить вместе» (№ 37, с. 12), где вместо слова «ноябрь» было напечатано «декабрь» и которая на самом деле должна была быть следующей: «В ночь с 25 на 26 ноября на 99 году жизни отошла ко Господу Элизабет Бер-Сижель».

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Швелсова
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.